

Тайный Дозор

Автор:

Николай Желунов

Тайный Дозор

Николай Желунов

Дозоры

Конец девяностых годов прошлого века – сложное время для людей и Иных. Молодой московский маг, профессиональный похититель магических артефактов, попадает в жесткие жернова противостояния Светлых и Темных сил. Против своей воли он узнает скрытую, мрачную сторону жизни города; и чтобы предотвратить ужасную катастрофу, вступает в бой с многократно сильнейшим злом.

Николай Желунов

Тайный Дозор

О данном тексте ничего не известно силам Света.

Ночной Дозор

О данном тексте ничего не известно силам Тьмы.

Дневной Дозор

История первая

Чужое добро

Пролог

РСФСР, Донская область

Июль 1921 года

Они вошли в станицу ранним утром, когда небо на востоке начало бледнеть. Двигались не спеша – беззвучно, как призраки. Мимо спящих окон, ветхих камышовых крыш и сухих зарослей полыни, источающей запах горечи. Пролетевшая в небе неясить видела только их силуэты на дороге и в полях – темные точки среди игрушечных домиков и деревьев. Забрехала за забором собака – и сразу же, взвизгнув, примолкла.

Так они могли бы пройти всю станицу насквозь, и никто не заметил бы их присутствия. Но они нашли то, что искали – маленький белый дом на вершине холма, – и поспешили к нему.

Здесь они стали еще осторожнее, двигаясь медленнее, припадая к траве. Сжимая кольцо вокруг дома.

По проулку пронесся испуганный порыв ветра, поднял облачка пыли – ветер словно хотел предупредить кого-то, но тут же выдохся, запутался в изломанных ветвях старых яблонь, рассеялся в густом летнем безмолвии.

В бледном утреннем полусвете высокий молодой мужчина облокотился о замшелые бревна колодца, взял бадейку с водой, неторопливо сделал глоток. Его лакированные длинноносые туфли казались неуместными здесь, в сельской глуши. Серые, отглаженные по стрелочке брюки, тускло блестящая пряжка ремня, элегантный сюртук из серого камлота. Прямые черные волосы падали на плечи, обрамляли красивое, но неестественно белое, как мрамор, лицо. Тонкий аристократический нос, едва заметная нитка губ и глубокие темные глаза довершали портрет.

Далеко в роще сонно застрекотал козодой. Над долиной реки поднималась белесая пенка тумана.

– Подойди, – беззвучно шевельнул губами юноша у колодца, и одна из теней поспешила к нему, – что ты видишь?

– Книжник в доме, – был такой же беззвучный ответ.

– Один?

Его собеседница, молодая женщина в потертой кожаной куртке с кобурой маузера на поясе, медлила с ответом. Силуэт ее на фоне блекнувших звезд то появлялся, то пропадал – она осторожно заглядывала в Сумрак, прощупывая магическую защиту, прозрачным колпаком накрывшую дом. Лицо ее казалось сосредоточенным и напряженным – мужчина, напротив, лениво улыбался.

– С ним люди, – прошептала женщина, – говорят, Книжник женился незадолго до бегства из Петрограда... Прости, не вижу, сколько их там. Всего лишь люди, Дориан.

Юноша кивнул и бросил бадейку в колодец. Резко вскинул руку – ладонью вниз и вперед. Сразу же четыре тени беззвучно заскользили к дому, на ходу доставая оружие.

Вспышка!

С глухим рокотом, искрящимся водопадом, навстречу нападавшим покатилась стена огня. Четверо разведчиков вскинули наполненные Силой жезлы, прикрываясь Щитами Магов. Два щита не выдержали – и рассветную тишину разорвал вопль. Дориан увидел бегущие по степи живые факелы. Брызги пламени разлетались от них, поджигая сухую траву.

Таиться больше не имело смысла. Часть нападавших образовала полукольцо, готовя сокрушительный удар, другая часть принялась выстраивать Круг Силы.

– Остановитесь! – долетел голос с вершины холма.

Юноша в камлотовом сюртуке поднял руку, останавливая бой.

– Если в вас есть хоть капля благородства, отпустите людей! – Голос был низким и звучным, с подавленными нотками гнева. – Это не их война.

– Хитрый Светлый колдун, – усмехнулся Дориан, – это твоя семья. Их судьба связана с тобой.

– Что даст вам их гибель? Я выйду на честный поединок с любым из вас!

– Кто сказал, что мы согласны на поединок?

– Я готовил дом к обороне много месяцев. Если я пущу в ход всю заготовленную магию – бой будет длиться часами. Ты хочешь потерять половину своей челяди?

В просьбе Книжника не было ничего необычного. В те времена, да и позднее, действовал неписанный кодекс чести, по которому исход боя можно было решить дуэлью, а случайно затесавшихся в конфликт людей полагалось щадить.

– Мой господин, – зашептал один из стоящих в Круге Силы, худой вампир в залатанной крестьянской рубахе, – Светлый заговаривает тебе зубы. Он плетет какие-то чары, я чувствую.

Дориан бросил на вершину холма быстрый взгляд сквозь Сумрак.

– Будь по-твоему, книжный червь! – крикнул он после короткого размышления. – Твоя правда, это лишь наше с тобой дело. Да будет честный поединок! Пусть люди выходят через ворота с поднятыми руками, никто не тронет их. Но убери свои огненные ловушки – ты пролил достаточно крови.

– Даешь слово чести?

– Конечно, даю тебе слово чести. Твое предложение благородно и разумно. Я даже дам вам пять минут, чтобы попрощаться навсегда.

Он подозвал тощего вампира, пошептал ему на ухо. Вурдалак коротко кивнул и исчез в сухой дымящейся траве.

Ветер неся над степью, завывал в трубах, смешивал белую пыль с едким дымом горящего ковыля.

Две женщины вышли из дома и медленно зашагали по тропинке к воротам. Было уже довольно светло, и собравшиеся у подножия холма Иные видели – женщины идут босиком, простоволосые, полуодетые, с платочками на плечах. Старшая, статная брюнетка, с вызовом смотрела на врагов, демонстративно подняв пустую ладонь к небу. Другой рукой она прижимала к себе худенькую светловолосую девушку; та тихо плакала, спрятав лицо в ладонях.

Прозрачный купол защитной сферы замерцал и исчез, когда женщины прошли сквозь него.

Темный отряд неподвижно лежал в сухой траве, ожидая команды вожака. Вожак же выступил вперед – и едва женщины приблизились, вдруг рассмеялся и грубо схватил старшую за локоть.

Ладонь Темного вспыхнула ослепительным белым огнем – и он отшатнулся, зашипел, как степная гадюка, сбивая пламя полой сюртука.

В дверях дома показался крупный мужчина с вьющимися темными волосами, он поднял руки к белесому небу и закричал:

– Бесчестная тварь! Не смей к ней прикасаться!

Сцена под холмом отняла все внимание Книжника – и он не видел, как у него за спиной, на соломенной крыше дома, появились три силуэта. Одним из них был тощий вампир. Темные знали – у них есть лишь мгновение – и не мешкали: с утроенной мощью на Книжника обрушился «пресс». Удар был такой силы, что тело Светлого мага пролетело через двор и – изломанное, окровавленное – упало у ворот.

– Больно, Дориан? – с участием спросила ведьма в кожанке.

Тот отбросил в траву опаленный сюртук, холодными пустыми глазами посмотрел на свою почерневшую, покрытую дымящимися струпьями ладонь:

– Пустяки. Заживет, как на собаке.

Здоровой рукой он взял брюнетку за шею (на этот раз без вреда для себя – действие защитного заклятия кончилось) и подвел ее к своему расprostертому на иссохшей земле противнику. Из-за далекой кромки леса выскользнуло солнце, его первые лучи заблестели на покрытых каплями крови кудрях Светлого колдуна. Глаза Книжника сквозь мутную пелену увидели бледное, как известь, но благодушное лицо Дориана и рядом с ним – мокрое от слез лицо жены.

– Как самочувствие, друг мой? Я вижу, ты хочешь мне что-то сказать.

Губы Светлого мага лишь задрожали в ответ: его нижняя челюсть была расколота.

– Пришло время прощаться, Книжник, – мягко проговорил вожак Темных, – веришь ли, я буду скучать, о да... Но как же мне поступить с твоей молодой женошкой? – Он изобразил задумчивость. – Ах да, я ведь, кажется, обещал ее отпустить. Но видишь ли, какое дело... мой приятель Фрол очень голоден. – Он щелчком пальцев подозвал вампира, нанесшего удар Книжнику в спину.

Светлый маг застонал, выплевывая кровавые пузыри.

– Поешь, Фрол, – ласково сказал Дориан, – бедный, вечно голодный Фрол.

Вурдалак с жадной готовностью прильнул к шее брюнетки. Пленница слабо отбивалась, но тщетно – мешок на горле упыря несколько раз вздулся, пропуская выкаченную кровь, и вскоре женщина, бледная до прозрачности, упала на землю.

Книжник пытался подняться на сломанных руках, издавая булькающие, хрипящие звуки.

– Чуть не забыл, – шутливо нахмурил брови Темный, – с нами же еще твоя милая младшая сестренка!

Он рывком привлек к себе плачущую девушку.

– Хороша, спелая вишенка, – Дориан втянул ноздрями запах ее волос, словно аромат цветов, снял с ее плеч платочек, – как раз в моем вкусе. Ну же, полно рыдать, барышня, скоро весь этот кошмар для вас закончится.

Язык Темного мага, длинный и тонкий, заскользил по обнаженному плечу пленницы.

Несмотря на вспышки огня и громкие крики, никто из станичников не разомкнул век. Сон их был крепок, как никогда в жизни; каждый видел во сне самые ужасные кошмары – и не мог проснуться.

Темные стояли поодаль, среди неподвижных камней, наблюдая за вожакom и его развлечением с жертвой; некоторые не выдержали этого зрелища и отводили взгляды. Фрол сыто закатил круглые покрасневшие глаза, прикрыл их шторками век: начинался день, и все, о чем он сейчас мечтал, – найти холодок и подремать.

Книжник в последний раз захрипел и упал навзничь. Лицо его было мокрым от пота и слез.

– Что ты там бубнишь, Светлый? – вытерев кровь пленницы с губ шелковым платком, промурлыкал Дориан. – Похоже, ты проглотил язык вместе с зубами?

– Не убивай, – прошелестело в Сумраке, – не убивай...

– Ты только что убил наших Темных братьев, спалил заживо боевым заклятьем – так почему я должен пощадить твою сестру?

И тело молодой женщины, бездыханное, тихо опустилось в траву.

– Сожгите здесь все, – скомандовал Дориан.

– Но его книги, – осмелился возразить кто-то, – там могут быть ценные...

– Я сказал – сжечь все! – закричал вожак в ярости, обрушивая на голову Книжника последний страшный удар.

И пурпурный цветок огня взвился над степью, высоко раскинул лепестки в густом, напоенном ароматами трав воздухе.

* * *

– Не понимаю, почему он еще жив, – сказал доктор.

Он вышел в сени, вытер изможденное худое лицо рушником и вдруг попросил водки.

– Прасковья, принеси, – буркнул Василий.

Пока жена бегала за графином, доктор с хозяином дома смотрели на перетянутое бинтами тело на кровати.

– Повреждения черепа, ожоги, многочисленные переломы, – врач снова утер пот, – в больницу нельзя, сорок верст – не доедет. Я сделал что мог, зафиксировал кости, но... будет чудо, если доживет до завтра.

Он взял из рук Прасковьи стопку теплой старки, неумело выпил двумя глотками, и глаза его намокли от горечи.

– Родные у него остались?

– Жёнку да сестру убили. Племяшка маленькая, должно, сгорела в пожаре.

– Кто ж их так? Бандиты?

Василий покачал седой головой:

– Может, и бандиты... кто их разберет? Приехал он к нам года три назад, купил домишко. Жил тихо, травки собирал, заговоры на больной зуб делал... За что такая лютая смерть, почему? Загадка, товарищ доктор.

– А нечего с нечистой силой знаться, – вставила Прасковья.

– Ну-ка, цыц, – нахмурился Василий.

– Ты мне не цыцкай. Видел Кравцовых хату-то? Печурка, полати, да куры в закутке. А опосля, на пепелище, – глядь, картины горелые в рамах, – женщина выразительно округлила глаза, – статуи каменные, в подполе – склянки, порошки, книги в железных коробках... вот и доколдовался, сердяга.

Врач выслушал эту отповедь с усталой улыбкой, попрощался и уехал.

Василий проводил его и сел на крыльце, покуривая «козью ножку». Приближение ночи нагоняло глухую, неосознаваемую тревогу. Багровый шарик солнца повис над горизонтом, превратил горелые руины на холме в уродливый черный силуэт. По развалинам бродили ребятишки, копаясь в золе.

Как стемнело, Василий перебрался в пристройку, где лежал искалеченный Кравцов. Отогнал мух, осторожно намочил его губы водой из глиняной кружки. Долго сидел рядом при свете огарка, готовый в любой момент увидеть таинство расставания тела и души... Но знахарь продолжал дышать – тяжело, прерывисто, хрипло. Прасковья не любила входить сюда, и Василий три дня и три ночи ухаживал за больным сам.

Что-то зашуршало за окном, со стуком упал камень. Василий прильнул к стеклу – но ночь выдалась безлунная, хоть глаз коли. Кошка, должно.

Спустя некоторое время явственно стукнула калитка, которую он самолично запер на засов, попрощавшись с доктором. Тихонько брякнула цепью собака – но голос не подавала. Что за дела там творятся?

Василий взял со стола коптящий огарок, вышел в сени. Белое лицо Прасковьи показалось из кухни:

– Вася... Не открывай... Не надо.

Он хотел привычно цыкнуть на жену, но только поднес палец к губам.

За входной дверью зашуршало, затем раздался новый звук – едва различимый тонкий голосок, похожий на мяуканье.

– Васенька, – шепотом заплакала жена, – за ним это, за колдуном окаянным... вернулись добить... вот же взяли страх в хату, на свою голову... не открывай, Христом-Богом...

Муж постоял в сенях, вслушиваясь в звуки за дверью, потащил из-под лавки топор. Прасковья ахнула и зажала себе рот ладонью.

Кто-то тихонько скребся в дверь – низко, почти на уровне пола.

Держа топор наготове, Василий откинул щеколду и резким толчком раскрыл дверь. Маленькое косматое существо пробежало у него под ногами и кубарем бросилось в пристройку.

От благого мата Прасковьи зазвенела посуда в шкафу.

– Да цыц ты, глупая! – оборвал ее муж. – Девчонка это – не видишь, что ли?

Они замерли на пороге комнаты. У кровати искалеченного знахаря, стоя на коленях, тихонько плакала маленькая девочка. От платья ее остались обгорелые лохмотья, а лицо, руки и волосы стали черными от сажи.

Глава 1

Подмосковье, Рублевское шоссе

Январь 1998 года

Я спрятал мотоцикл в заснеженных кустах у дороги и посмотрел на часы. 16:32. Короткий зимний день угасал, и начиналась ночь – время воров.

Проверив в последний раз снаряжение, я отключил мобильный телефон и зашагал в глубину леса.

Небо на востоке уже потемнело до глубокой синевы, и над промерзшей равниной тлели первые ледяные искры звезд. На западе в стилой мешанине облаков догорали багрово-золотые разводы. В тишине слышалось только мое дыхание да скрип снега под ногами. Красивый, безмятежный вечер – как назло. Я предпочел бы ветер и снегопад. Они скрыли бы следы.

Я остановился на опушке рощи и достал бинокль. Подо мной, за бледно-розовыми макушками елей, дремал в ложине элитный коттеджный поселок. Вот и моя цель: трехэтажное строение с резными башенками и флюгерами, слегка на отшибе, в окружении припорошенных снегом деревьев. Его хозяин, темный делец с говорящей кличкой Маклер, с пафосом называл коттедж «мой замок».

Как и все новопостроенные дома на Рублевке, «замок» был обнесен высоким забором. Чем богаче дом – тем выше забор.

Ускоряя шаг, я двинулся вперед и вниз вдоль опушки.

На часах 16:45. Самолет, уносящий Маклера в Бейрут, только что поднялся над аэропортом Шереметьево, прорвал редкую пелену облаков и взял курс на юг. Он пробудет в воздухе около четырех часов – за это время я должен все сделать и обратиться отсюда как можно дальше.

– Мы выдернем его из города на сутки, – вспомнил я голос заказчика в телефонной трубке, – выманим под предлогом важной сделки. Но мы понятия не имеем, какие системы безопасности есть в доме, тебе придется разбираться самому, Кот. Лучше сделать все быстро, пока самолет не сел и у него не появилась связь.

Я мог бы найти «замок» даже с закрытыми глазами. Получив заказ, я выучил каждый холмик и рощицу на карте местности. Я собрал всю информацию об объекте, какую можно получить обычными и магическими путями. Я исследовал характер, привычки, рабочее расписание Маклера. На все это ушло больше недели, и заказчик уже начал проявлять признаки нетерпения – но я хотел действовать наверняка. Наконец я дал отмашку – можно начинать. Мое время настало.

Быстро темнело. Внезапно я больно стукнулся коленом о поваленное дерево и остановился. «Замок» оставался слева и сзади от меня и уже довольно далеко.

За кромкой леса едва виднелись макушки резных башен.

Я рывком обернулся.

Ты сам не заметил, как взял сильно в сторону.

Словно холодный ручеек заструился между лопаток. В сгущающихся сумерках на снегу виднелась цепочка моих шагов – вот я шел вдоль опушки к поселку... вот плавно повернул вправо, и еще правей, еще...

Если бы я не налетел на дерево, мог бы долго идти прочь от цели и предаваться размышлениям.

Растерев ушибленное колено, я осторожно приблизился к точке, где что-то развернуло меня в сторону. А ведь я должен был ожидать чего-то подобного.

В Сумраке пространство над «замком» казалось накрытым прозрачным куполом. Его поверхность льдисто мерцала и переливалась, как серебристая мелкая сетка. Должен признать, я недооценил Маклера. Улетая, он поставил дальнюю защиту от воров – она отводила в сторону любого, кто попытается приблизиться к дому.

Но это ведь не единственная ее функция, правда?

Опустившись на колено у самого купола, я вытянул руку и произнес длинное многосоставное заклинание. Мой уровень Силы – четвертый с натяжкой. Я не учился в школе при Ночном Дозоре, меня никогда не тренировал опытный маг. Всего, что знаю и умею, я добился сам, изучая книги, заводя связи и наблюдая за Сумраком. Пусть я не хватаю звезд с неба – но я делаю свой скромный бизнес на Темных, и ни разу еще не оступился. Не остановит меня и этот колдунишка.

На кончике указательного пальца появился шарик Света, его сияние растеклось по моей руке, волной поднялось по плечу и вскоре укрыло уже всего меня. Словно падая в омут, я сделал шаг вперед, под прозрачную полусферу.

На мгновение мое сознание раздвоилось – одна часть настаивала на том, что нужно уходить направо, в лес, а другая уносила тело вперед. Резким усилием я

протолкнул себя внутрь купола... и вдруг понял, что лежу на снегу, высосанный до дна, пустой. Дыхание вырывалось изо рта густыми облачками пара.

С тех незапамятных пор, как появились магические артефакты, – появились Иные, специализирующиеся на их воровстве. Но появились и средства магической охраны артефактов – и они постоянно совершенствовались.

Это было что-то абсолютно новое!

Да, я прошел внутрь купола, но защитная полусфера будто выпила одним глотком весь накопленный к этому вечеру запас Силы. Вдобавок, не сомневаюсь, охранные системы уже захлебываются беззвучным воплем. Какое счастье, что Маклер сейчас на высоте десяти тысяч метров над землей.

Здесь мне следовало остановиться и задуматься, стоит ли идти на риск и дальше. Вместо этого я достал один из трех заряженных амулетов и сжал его в кулаке. Амулет сразу потеплел, напитывая меня Силой.

В Сумраке «замок» выглядел иначе: стены и башенки его вытянулись, здание приобрело явственные готические черты. Я осторожно просканировал его и присвистнул. Коттедж был напичкан магией, как сдобная булочка изюмом. И в то же время – ни одной ауры Иного или человека. Ни слуг, ни охраны, ни родни... впрочем, постойте. На самом верху, на третьем этаже (или на чердаке?), едва теплилась странная аура, в которой смешались алые и зеленые оттенки. Кусая губы, я силился понять, что же это такое, но отступился. Будем считать – какое-то домашнее животное. Похоже, спящее. Животные – не проблема.

Карабкаться на забор – увольте. Я метнул «тройное лезвие» к основанию ствола вековой сосны, и дерево с жалобным скрипом повалилось на ограждение. То даже не пошатнулось. Я натянул на лицо матерчатую маску с прорезью для глаз (в доме могут быть скрытые видеокамеры), легко взбежал по стволу и через мгновение был уже во дворе – на всякий случай прикрывая себя «щитом мага».

Не зря!

Удар был такой силы, что меня отбросило к забору. «Щит» выдержал, но амулет в моей ладони стал почти холодным. Рот наполнился соленым привкусом крови. Все, что я успел увидеть, – вспышка пламени над головой. Пошатываясь, я

заспешил к коттеджу по тающему снегу. Еще удар! Волна жара изливалась откуда-то из-под крыши. Я вновь поднял над головой «щит мага» – и откатился к стене дома. Удар пришелся вскользь, и меня только сильно потрянуло да вымочило с головы до ног мгновенно тающим снегом... но от «щита» не осталось ничего.

Да что же это такое!

Амулет из малахита, один из моих любимых, лежал в ладони, расколотый пополам, бесполезный. Я вжался в стену – но, к счастью, нового удара не последовало: оборонительное заклятье работало только по прилегающей территории, но не по самому коттеджу.

Зубами я стянул перчатку и нашарил в кармане два оставшихся амулета – ониксовый и мраморный. Их силы мне хватит, чтобы гарантированно удрать, прикрываясь «щитом», и потом прорваться через дальнюю защиту. Всё.

Нужно уходить. Бежать со всех ног. Не испытывай судьбу. Ты не добудешь заказ – и ничего не потеряешь, кроме своей репутации. Зато останешься цел.

Я спрятал шарик из оникса за пазуху и пошел к торцу здания, прижимаясь спиной к шершавой стене. Гладкий цилиндр из белого мрамора в моей руке быстро нагревался. Я свернул за угол. Здесь, вдали от крыльца, давящее ощущение нависшей смерти ослабло.

Окна первого этажа и все двери, несомненно, под охранными заклятьями. Не стоит и пробовать.

Что насчет второго этажа?

Я достал веревку, перебросил ее через балку под крышей и затянул узел. Вскарabкался по веревке вверх, каждую секунду ожидая удара.

Тишина. Узкое окно второго этажа напоминало бойницу.

Мы, Иные, так привыкли к Сумраку, к магическому арсеналу, что забываем порой о таких простых и полезных вещах, как веревка или нож.

Рукоятью ножа я выбил стекло и вскоре уже протискивался внутрь.

Внутренний голос продолжал настаивать: дело оказалось слишком опасным. Еще не поздно бросить все и убраться подобру-поздорову. Ближайшей ночью – я с ужасом осознаю – надо было к нему прислушаться. Но тогда упрямство вело меня вперед.

Оставалось сделать не так уж много. Где-то в доме, по словам заказчика, находился сейф. В нем – коробочка из папируса, покрытая иероглифами. Не открывать ее ни в коем случае. Не потерять, никому не передавать на хранение. Доставить лично в руки.

Я шел через богато обставленные комнаты и коридоры, сжимая горячий амулет в ладони. Мое подсознание работало скорее мысли – в руке тускло замерцал холодный «белый клинок». Инстинкт шептал: будут еще ловушки. Самое опасное впереди.

Наконец в дальнем крыле я увидел ведущие вниз ступени. Там, на узкой площадке, находилась глухая металлическая дверь, запертая на несколько замков, в том числе – на настоящие амбарные, навесные. Мне стало не по себе.

Время идет. Работай, Кот.

Я выудил из набедренного кармана связку отмычек и принялся за дело. Пот градом катился по лицу, пропитывая маску. Вскоре поддался один замок. Затем второй...

Не то. Здесь что-то не то.

Стоп.

Я сделал шаг в сторону, вытер пот, глядя на дверь в тусклом свете фонарика.

Время. Дело во времени.

Да, ты откроешь эту дверь, пусть на ней многочисленные замки и магические запоры. Ты справишься. Но сколько на это уйдет времени?

Думай. Маклер предполагал, что в его дом могут проникнуть в его отсутствие. Он устроил ловушки, повесил охранные заклятия. И все? Вот вор пробрался в «замок» и... без особого труда обнаружил запертую на множество замков комнату. Если он достаточно глуп – потратит все силы и время на нее; возможно, несколько часов – за это время хозяин успеет отреагировать.

За дверью сейфа нет!

Я бегом бросился вверх.

Где же тогда?

Сейф должен быть там, где Маклер проводит больше всего времени. Только так он может быть уверен, что с ним все в порядке.

В спальне?

Опочивальня Маклера обнаружилась в другом крыле. Просторная комната с небрежно заправленной двуспальной кроватью, тяжелыми шторами и белым пушистым ковром поверх блестящего паркета. Я отдернул штору, и комната наполнилась призрачным голубым сиянием луны.

Зеркальный шкаф у дальней стены. Антикварные подсвечники на дубовом столе. Напротив кровати – два грубых деревянных изваяния, похожих на африканские тотемные столбы: черные, как копоть, покрытые лаком негритянские воины с нарочито искаженными чертами лиц смотрели на незваного гостя со смесью презрения и высокомерия. Рядом на стене – полотно с обнаженными юными красавицами, неплохая копия Уильяма Бугеро. Положим, художественный вкус у Маклера есть... но специфический.

На тумбе между истуканами холодно поблескивал экраном большой японский телевизор. Я положил ладонь на кинескоп: на ощупь он оказался мягким, легко прогибающимся внутрь, словно бумажным. Развернув телевизор, я снял заднюю крышку.

Сейф был там.

Отлично! Половина дела сделана. Мысленно я похвалил себя за упорство. Мог ведь сейчас ковылять под луной через засыпанный снегом лес не солоно хлебавши.

Теперь посмотрим на замок. Я осторожно крутнул колесико на двери сейфа.

В тот же миг краем глаза заметил движение слева – и рефлексивно отшатнулся назад. Это спасло мне жизнь. Один из черных истуканов пришел в движение, перегнулся через тумбу, и кривой меч просвистел близко над моим лицом. Уклоняясь от следующего удара, я почти налетел на второго африканского воина; сияющий сумеречный клинок выпрыгнул из моей ладони, со звоном встретился с летящим мне в лицо ятаганом.

Я отступил, держа меч перед собой.

Ожившие черные воины двинулись ко мне с двух сторон, презрительно выпятив гипертрофированные губы. В их движениях все еще была некая деревянность, они перемещались по комнате рывками, с отчетливым скрипом, не сводя с меня круглых, как блюдца, глаз. Тугие голые бицепсы и бедра блестели в лунном свете.

Не дожидаясь, пока они разом набросятся на меня, я атаковал сам. Выбрал того, что справа, – он казался менее подвижным.

Идол коротко рыкнул, легко отбил мой клинок. Его товарищ попытался зайти за спину – и мне пришлось отступить еще дальше.

Как сильны, подумал я с колотящимся сердцем. Каждый в отдельности заметно сильнее меня. Я же не воин, а только медвежатник-любитель! Что это за магия? Как с ней бороться?

Я снова атаковал противника справа, полагаясь на свою скорость, – «белый клинок» пробил его защиту... и едва не застрял в крепком деревянном туловище противника, словно обычная сталь. Идолища поганые! Даже магическое оружие над вами не властно!

Теперь оба воина наступали на меня, преграждая путь к сейфу. Самое неприятное – я буквально чувствовал, как впустую растрачивается энергия мраморного амулета.

Истуканы как по команде глухо рыкнули и остановились. Они не стремились убить меня – только защищали скрытый в сейфе артефакт. Весь их вид говорил: можешь проваливать, ворюга.

Я атаковал в третий раз – и в третий раз выбрал того, что справа. Я вложил в удар все силы – и теперь целился не в корпус, а в голое бедро истукана.

И мой удар достиг цели.

Брызнули щепки. Монстр припал на ногу, судорожно отмахиваясь кривым мечом, в бессвязном рыке его появились гневные и обиженные нотки. Но не успел я порадоваться этому скромному успеху, как его напарник настиг меня, навалился корпусом, прижал к полу. Его мощь была чудовищной. Чувствуя, как утекают остатки Силы, я сжимал дрожащими руками «белый клинок» – пытаюсь удержать им намеченный мне в лицо ятаган. Где-то на заднем плане жалобно взрыкивал второй идол. Угольно-черная оттопыренная губа его друга нависла над моими глазами. Я чувствовал запах лакированного дерева.

Дерево! Они же деревянные, глупец!

Я выставил ладонь – и бросил в круглые глаза чудовища пару огненных шариков. С мебельным грохотом истукан покатился в сторону. Едко запахло горелым лаком.

Собрав последние капли Силы из амулета, я отоварил парочкой файерболов и второго идола. Голова его окуталась искрами. Спальня сразу наполнилась дымом.

Не обращая больше внимания на шипение и скулеж истуканов, я взялся за сейф. Ониксовый амулет...

...последний, последний, у тебя больше нет амулетов!..

...словно сам прыгнул в руку. На дверце сейфа повисли три запирающих заклятия – задача для новичка, я походя снял их и занялся замком.

В этот момент какой-то новый звук привлек мое внимание.

В углу конвульсивно подергивались за пеленой дыма идолища, громыхая и жалобно взрыкивая, – но я все же услышал... наверху, на лестнице.

Шаги.

Кто-то есть в доме?

Ты же сканировал коттедж – ни одного Иного или человека не видел... если не считать некой странной ауры на чердаке.

Я бросил быстрый взгляд на дверь в дальнем углу спальни. Чем бы оно ни было – приближалось оно оттуда. У каждого Иного в той или иной мере развита способность предчувствовать будущее... каким-то образом я понял, что все предыдущие проблемы вокруг заказа померкнут перед этой, последней.

Поторопись. У тебя минута, быть может.

Мои отмычки тут были ни к чему. Тяжелый сейф, изготовленный в Швейцарии, запирался на кодовый замок. Чтобы его открыть, нужно знать не только цифровой код, но и точное количество оборотов рычага. Семь стержней из никелированной стали в палец толщиной запирали дверцу. Для кого-то это стало бы неразрешимой проблемой – но не для меня.

Заклятие «абсолютного холода» требовало не только большого расхода Силы – но и точности в нацеливании. Я погладил кончиками пальцев обработанную защитным каучуковым составом поверхность дверцы, прошептал несколько слов и дал осторожный мысленный посыл.

Один из стержней внутри дверцы с хрустом распался на мельчайшие частицы – швейцарская сталь не выдержала понижения температуры до абсолютного нуля и последовавшего затем короткого и точного удара Силы. Я вновь вербализировал магическую формулу, стараясь не промахнуться... хрустнул,

рассыпаясь металлическими песчинками, второй стержень.

Шаги приблизились и стихли. Оно здесь. Прямо за дверью в дальнем конце комнаты.

Третий стержень распался ледяной пылью... четвертый... неужели успею?

Дверь со скрипом распахнулась – и я обернулся.

Я ожидал новых чудовищ – но на пороге в черном прямоугольнике пустоты стояла совсем юная девушка, лет тринадцати-четырнадцати на вид. Черноволосая, темноглазая, угловатая, очень худая, в каком-то древнем легоньком хитоне. Она смотрела на меня без злобы, с едва уловимым упреком.

Что за дьявольщина? Здесь не было ни людей, ни Иных, я же проверял!

Я повернулся к сейфу, торопливо повторяя заклинание. Ручеек Силы полыхнул в Сумраке, как электрический заряд.

Пятый из семи стержней замка распался. Я чувствовал эманацию смертельного холода, прошедшую сквозь толстый металл дверцы сейфа. Если мои пальцы окажутся слишком близко к объекту в такой момент – их не спасти никакому целителю.

– Ур-габа, шнунн-э-дарабх! – мелодичным голосом воскликнула девушка у меня за спиной, – Ур-дар-Энлиль, шам дин и Нинурт!

– Да-да... я тоже рад тебя видеть.

Понятия не имею, что за язык. На мгновение я снова повернулся к ней – чтобы увидеть, как из вскинутой ладони девушки словно опустились плети Тьмы. Сизая холодная пелена Сумрака заходила волнами. Я приготовился отразить удар – но удара не последовало.

И я нацелился на шестой стержень, прошептал заклятие...

Прوماхнулся. Трещина пробежала где-то глубоко по внутренней стенке сейфа. Надеюсь, заказ не пострадал!

Посреди комнаты закрутился медленный водоворот. Новый звук донесся откуда-то из его глубины – и ледяной пот заструился по моим вискам: то было низкое утробное рычание, подобного которому я не слышал никогда в жизни. Каждый волосок на моем теле встал дыбом. Что-то поднималось из глубин, с нижних слоев Сумрака. Что-то искало меня. Я задавил в себе желание немедленно бежать прочь.

– Ур-дар-Энлиль, – торжествующе добавила девчонка, – аш-шар, гардам-ла!

Шестой стержень распался на крошечные стальные льдинки.

Краем глаза я видел, как мертвенно-бледное зарево заполнило комнату, заглушая свет луны. С хрустом посыпались оторванные доски паркета, и массивная кровать со скрипом поползла в сторону, словно игрушечная. Начавшаяся в Сумраке буря прорывалась в физический мир.

Остался последний стержень. Ты еще можешь успеть.

Я скороговоркой отбарабанил заклятие, изо всех сил надеясь не промазать.

Промазал.

Пол под ногами дрожал, словно мимо проносился товарный поезд. Я пытался разглядеть что-либо в клубящемся мраке, но увидел только длинный изогнутый силуэт в центре водоворота. Что-то живое. Но постойте, разве в Сумраке есть какая-то жизнь, кроме синего мха?

Сейф у меня под ладонями ходил ходуном – и последняя попытка расколоть седьмой стержень была чем-то вроде выстрела наудачу.

Мне повезло. В ледяной вспышке последний запирающий стержень обратился в мерзлую пыль, и крышка со стуком открылась.

Уже чувствуя, как пол осыпается подо мной в бездну, я выхватил из глубины сейфа коробку из папируса и отступил в коридор. Девчонка с усмешкой смотрела мне вслед, а посреди комнаты – на том месте, где я сражался с африканскими идолами, – возник оживший кошмар.

Круглая подвижная пасть, опутанная сеткой слюны, усеянная рядами зубов – острых, как иглы. Покрытая уродливыми шишками голова. Широкая глотка судорожно сокращалась, словно репетируя заглатывание. Сверкающими кольцами втекло в спальню длинное тело. Червь. Слепой, голодный червь. От пасти до кончика хвоста его пробегали волны магического огня – и в короткий миг озарения я понял. Конечно, это не живое существо. Такую ужасающую форму приняло сотворенное девчонкой волшебство. Быстро отступая назад, поднимая над головой Щит Мага, я еще раз взглянул на ее ауру и вновь увидел только прежнее размытое красно-зеленое мерцание. Мой разум отказывался принимать это! Если девчонка повелевает такими мощными силами – она должна быть магом высокого ранга. Да кто она такая, Свет и Тьма?!

Меня могла спасти только скорость. Зигзагом я пересек двор и, подпрыгнув по обезьяньи, ухватился за ствол поваленной сосны. Подтянулся.

За спиной запоздало ухнуло – и волна огня швырнула меня далеко за стену вместе с сосной. Щит Мага сорвало. Плающие обломки дерева разлетелись по полю, как картечь. Я катился через сугробы, выплевывая окровавленный снег, прижимая к груди заказ и едва теплый ониксовый амулет. Внешняя защита вытолкнула меня на опушку рощи и, конечно же, лишила последних жалких резервов энергии.

Я выпал из Сумрака, с трудом встал на ноги и обернулся.

В темноте там и тут полыхали на снегу сосновые ветки. Над «замком» вился дымок... как бы дело не закончилось пожаром! В заборе после взрыва образовался пролом – и на глазах у меня сквозь эту дыру выбралась девушка в хитоне. Холод, похоже, ее не смущал. К счастью, червь не последовал за ней в физический мир.

Девчонка, прищурив глаза, указала на меня пальцем.

Наверное, стоило заглянуть в Сумрак и убедиться, что червь идет за ней, но у меня не осталось для этого Силы. Силы не было ни капли. Я снова был опустошен, и два уцелевших амулета холодны, как обычные камешки.

Бросив заказ за пазуху, я побежал вверх по склону – туда, где оставил мотоцикл. Наверху, у заснеженной стены сосен, я остановился перевести дыхание и бросил взгляд назад.

Следом за мной по истоптанному снегу упрямо карабкалась худенькая фигурка.

Глава 2

На автозаправке неподалеку от МКАД я дал себе минуту отдыха. Умыл снегом пылающее лицо и постоял в свете уличного фонаря, глядя на исцарапанные руки. Пальцы мелко дрожали.

Успокойся. Ты выбрался. Все уже позади.

По шоссе проносились редкие автомобили. На заправке уютно сияли неоновые огни над колонками, в магазине автотоваров скучали девушки-продавщицы в голубой униформе. Залив в брюхо бензин, выкатился на дорогу сверкающий черный «ауди» – кто-то из резидентов Рублевки собрался в Москву развеяться. Вечер пятницы – время веселья.

Я включил мобильный телефон, нашел в его памяти номер заказчика. Долго слушал гудки, мысленно уговаривая себя быть повежливей.

– Слушаю вас.

– Омогой... это я, Кот.

– Кто?

– Не кто, а Кот!

Для родителей и немногих друзей я Матвей Гордеев. Заказчики и посредники знают меня только по кличке.

– А-а-а, талантливый юноша, – Омогой мягко рассмеялся, – когда ты порадуешь меня хорошими вестями?

Голос у него был слегка скрипучий, расслабленный, словно звонок застал заказчика за перевариванием вкусного ужина. Таки- ми голосами разговаривают добрые старички в старых советских фильмах.

– Хорошие вести заключаются в том, что я остался жив, – сказал я, пожалуй, резковато.

– Значит, ты успешно... побывал на экскурсии?

– И чуть не остался там навсегда!

Омогой помолчал секунду:

– Никто не обещал легкой прогулки. Я ведь предупреждал – это будет непросто, но я плачу соответственную цену за услугу.

Я с ненавистью посмотрел на ледяные звезды. Студеный ветер рывками неся над лесом, взметал мои волосы, обещал скверную погоду наступающей ночью.

Оставайся профессионалом. Не повышай голос на старика.

– Мне нужно уехать из города. Когда мы встретимся с вами?

– С моей игрушкой все хорошо?

– Стал бы я звонить вам, если бы не достал ее...

– Я в тебе не сомневался, – мягко сказал Омогой. Я слышал, как он вполголоса заговорил с кем-то. Нежно стукнуло чайное блюдце. На заднем плане негромко играла музыка, мелодично позвякивал «поющий ветерок». Я смотрел на свои

синие от холода, разбитые в кровь пальцы. – Послушай, м-м... Кот. Уезжай-ка ты подальше от этого скверного места. Там небезопасно.

Незнакомый мягкий акцент. Кто этот старик на самом деле? Его якутское имя может быть такой же выдумкой, как моя кличка. Я никогда не видел Омогоя в глаза – он связывался со мной только по мобильному номеру, который получил от кого-то из бывших клиентов. Если подручные Маклера доберутся до меня, я не смогу оправдаться даже тем, что я простой исполнитель: заказчика не найдут, и мне достанется за двоих.

– Омогой, нам нужно встретиться как можно скорее, – сквозь зубы проговорил я, – назначьте место и время.

Старик вновь забубнил что-то, прикрыв трубку рукой. С кем он там болтает, черт его дерит?

– Кот, мы обязательно встретимся с тобой, – сказал он мягко. – Все, что я обещал тебе за игрушку, ты получишь. Я держу слово. А сейчас не оставайся там, поезжай домой – и убедись, что за тобой не проследили, хорошо?

– Я буду ждать звонка.

Казалось бы, этот разговор должен был меня успокоить. Отчего же я чувствую себя так, словно в груди звенит до предела натянутая струна?

Я залил полный бак, откатил мотоцикл к магазину. Взял в автомате горячий капучино в бумажном стаканчике, сделал хороший глоток и принялся оттирать снегом следы крови с куртки.

– Хорошо-то как, а, сынок? – Охранник заправки вышел из своей будки, с улыбкой посмотрел на небо. – Звезды, как крупный виноград, смотри!

Я равнодушно кивнул... и от души зачерпнул у сторожа Силы. Нужно восстановиться как можно скорее. Пожилой мужчина был в прекрасном настроении – на днях он стал дедом, и Светлая энергия переполняла его. Я не замедлил этим воспользоваться.

И услышал далекий рев многих моторов.

На шоссе со стороны Москвы показалась цепочка ярких огней. Они быстро приближались. Я затолкал мотоцикл за угол здания и упал в снег, считая проносящиеся мимо мотоциклы.

Три, четыре... пять. Ауры затянутых в кожу мотоциклистов походили на языки черного пламени на яростном ветру. В игру вступил Дневной Дозор Москвы.

Я торопливо завел мотоцикл, надел шлем и покатился к выезду с заправки. Уже выруливая на трассу, оглянулся...

Далеко позади, монотонно переставляя босые ноги, брела по обочине девчушка в нелепом белом хитоне.

Допустим, думал я, разгоняя мотоцикл до сотни километров в час – допустим, это чья-то игра, и меня в ней решили использовать. Кто-то захотел получить некий ценный и дорогой артефакт, не подставляясь под мстительный гнев Темных. Логично привлечь для этого специалиста со стороны, то есть меня.

Понятно, почему Омогой не предупредил о возможных последствиях. Знай я всю сложность дела – мог бы и отказаться.

Маклер сейчас еще в воздухе, его самолет скоро будет заходить на посадку. Но Темные каким-то образом уже в курсе его проблем. Кто-то следил за «замком» со стороны и подал им сигнал – или, что еще хуже, у них есть доступ к защитной системе. Это так погано, что я даже слов не подберу. Я нанимался на небольшую кражу у Темного мага средней руки – и не ждал, что придется вступить в открытый конфликт с их Дозором.

Мотоцикл взлетел на холм, и за снежным массивом леса мне открылся сияющий от горизонта до горизонта город. Отсюда уже можно разглядеть многоэтажные спальные кварталы района Крылатское.

Заказ за пазухой жег мне грудь. Остановив мотоцикл на обочине, я достал коробочку из пергамента и внимательно осмотрел ее в свете фонарика. Волна холодной дрожи прошла по телу. О, чем бы это ни было, оно было древним, как

само время. Пропитанный пахучим составом, спрессованный слоями папирус напоминал толстый картон; его покрывали незнакомые, тщательно выписанные иероглифы. Нет, это не Древний Египет, не Индия и не Китай. Даже не представляю, откуда эта вещь.

Не открывать ни в коем случае. Не потерять, никому не передавать на хранение. Доставить лично в руки.

Я потянул крышку на себя. Она открылась легко, будто соскользнула сама.

Продолговатый, слегка изогнутый предмет из песочно-желтого камня, лежащий на шелковой подушечке. Артефакт формой напоминал указательный палец. Вот ноготь, вот два бугорка суставов... потертые от времени, но еще различимые. Я почувствовал желание прикоснуться к этой древности, но сдержал себя.

Это может быть опасно, Котяра.

Может? Это уже стало опасным для тебя, даже слишком.

Перед тем как закрыть коробку, я бросил на артефакт еще один беглый взгляд и понял две вещи: во-первых, никакой это не камень. Нечто затвердело за многие века до консистенции, близкой к камню, но им изначально не было. Во-вторых – артефакт едва заметно мерцал в темноте ядовито-зеленым светом.

Избавься от этой игрушки как можно скорей.

Неприменно. Но сначала – моя страховка от неожиданностей. Я достал из бокового кармана серебристый футляр и уложил в него коробочку. Тонкий обод по краям футляра на мгновение вспыхнул в темноте, пахнуло нагретой сталью. Заклятью «спецхран» меня научил один казахстанский маг, он же смастерил маленький металлический резервуар. С этого момента без моей помощи его не открыть. Пуси в ход силу или магию – и температура внутри на несколько секунд поднимается до пяти тысяч градусов. Если Омогой или кто-то еще заберет заказ у меня, не заплатив, – он только уничтожит артефакт, пытаясь вскрыть футляр.

Я не заметил, где они подстерегли меня. Возможно, на въезде в город была скрыта застава. Просто в какой-то момент я понял, что справа и слева от меня едут два мотоциклиста.

От неожиданности я вильнул и едва не врезался в борт фуры. И резко нажал на газ.

Преследователи не отставали. Моторы мотоциклов у меня за спиной взревели. Мы летели по Рублевке на сумасшедшей скорости, и хотя мою голову закрывал шлем, но все же я явственно услышал властный окрик:

– Дневной Дозор! Съезжай на обочину, это приказ!

Убегать не имело смысла. Девяносто девять шансов из ста, что они уже взяли слепок моей ауры. Теперь найти меня в городе – вопрос нескольких часов, максимум дней.

Я сильнее надавил на газ. Один из мотоциклов появился слева от меня – сверкающая торпеда из черной и хромированной стали, – резко приблизился, отжимая к обочине. Краем глаза я видел хищный каплевидный шлем седока.

Впереди светофор!

Желтый свет погас, загорелся красный. Автомобили дружно закричали тормозами.

Мы вылетели на перекресток, когда на него уже выкатывался поток машин из боковой улицы. Мотоциклист слева от меня вильнул, уходя от столкновения, но на скользкой дороге его машина не удержалась... я же прошмыгнул в узкую щель между двумя автобусами и полетел дальше по шоссе – вниз, вниз, вниз. За спиной загрохотало, сверкнула быстрая вспышка огня.

Я кинул взгляд назад: желтые отсветы фонарей быстро мелькали на лакированной поверхности шлема второго Темного – прямо за моим плечом! Наверное, скользнул в ту же щель между автобусами, что и я.

– На обочину, гаденыш! Последнее предупреждение!

Мы догнали поток автомобилей и снова принялись на скорости лавировать между ними. От визга покрышек у меня заболели уши. Я успел заметить, как Темный вскинул руку, – и рванул руль вправо. Пущенный им «фриз» пришелся в черный «БМВ», тот замер посреди дороги, как скала, – и в зад ему немедленно врезалась с грохотом серая «Волга».

Дорога уже текла по оживленному городскому району. Опасно «подрезая» один автомобиль за другим, я умудрился немного оторваться – по-видимому, мой противник не был великим мастером вождения.

Внезапно я услышал над головой грохот – мотоцикл Темного поднялся в воздух. Он с воем опустился на крышу грузовика, выпустил облако бензинового дыма – и перепрыгнул на крышу длинного желтого «Икаруса». Я ничего не успел предпринять. Мы неслись к крутому повороту дороги, и все водители вынужденно снижали скорость. Темный правильно выбрал момент; он снова вскинул руку (мне казалось, я вижу под черным стеклом шлема кривую улыбку), и колеса моего мотоцикла стали крутиться медленнее... резина сползала с них жидкими полосами, как расплавленная смола.

Уже падая на асфальт, я метнул шарик огня в колесо «Икаруса».

Автобус подпрыгнул и заскрежетал по асфальту в облаке искр. Я видел, как пассажиры в салоне кричали, хватаясь за поручни. Мотоцикл Темного сорвался с крыши и вместе с седоком улетел за границу проезжей части, в темноту.

Улица встала. Пробка образовалась мгновенно, растянулась от поворота до далекого перекрестка – лежащий на брюхе «Икарус» забаррикадировал все три ряда.

Не слушая криков, гудков и милицейского свиста, я подошел к краю дороги. Внизу, под откосом, лежал мотоцикл. Одно колесо еще медленно вращалось.

Темный дозорный поднялся, шатаясь, на ноги. Его голова в красивом лакированном шлеме свисала набок под неестественным углом, словно шар на нитке. Маг бережно взял ее обеими руками, прилаживая на место.

Уходи. Быстро.

Я огляделся. Совсем близко в морозном тумане мерцала алым светом буква «М».

Жалко бросать мой «Kawasaki» – я купил его всего три месяца назад. Но без шин на нем не уехать.

Я нашел место на сиденье в дальнем конце вагона и притворился спящим.

Заканчивался час пик, однако в сторону центра от «Крылатской» ехало не много людей. Мой потрепанный вид (мокрые волосы, обгорелая куртка) мог бы вызвать у кого-то недовольство, но даже в этом благополучном районе Москвы люди привыкли делить общественный транспорт с пьянчужками, бомжами и непонятными чудаками, которых в столице всегда хватает. Главное, чтобы не шумел и вони поменьше.

Итак, я влип еще серьезней. За пазухой древняя вещица, назначение которой мне неизвестно – если это оружие, то я, не умея с ним обращаться, несу угрозу и себе, и окружающим. Омогой не спешит ее забирать. И Дневной Дозор «вписался» за Маклера.

Беги из города, прошелестела мысль в глубине. Беги так далеко, как только сможешь. Вернешься, когда все уляжется. Родителям соврешь: завербовался на буровую вышку в Сибири.

В перегонах между станциями метро, убедившись что рядом нет Иных, я осторожно зачерпывал Силы у пассажиров. Усталые и нервные после трудового дня, они мало могли дать... но для меня сейчас каждая малость – как глоток воды в пустыне. К счастью, на «Багратионовской» в вагон вошла компания студентов. Три парня и две девушки с гитарой и полуторалитровой пластиковой бутылкой, в которой плескалось нечто ядовито-оранжевое. Мои ноздри уловили коктейль ароматов: спирт «Royal», вода из-под крана и растворимая шипучка «Yuri». Ребята уселись прямо на пол вагона и дружно запели под звонкий перебряк струн:

Не надо помнить, не надо ждать,

Не надо верить, не надо лгать,

Не надо падать, не надо пить,

Не надо плакать, не надо жить.

Я ищу таких, как я, —

Сумасшедших и смешных,

Сумасшедших и больных,

А когда я их найду,

Мы уйдем отсюда прочь,

Мы уйдем отсюда в ночь —

Мы уйдем из зоопарка! [1 - Егор Летов, «Гражданская оборона» – «Мы уйдем из зоопарка».]

Студенты пели с удовольствием, и с таким же удовольствием я вволю подпитался от них Силой. Энергия на вкус напоминала слегка забродивший грушевый сок. Вкус мне хорошо знаком: давно ли я и сам был студентом?

Поезд медленно, устало гроыхая колесами, катился по открытому пространству между «Филиями» и «Кутузовской». Я разрешил себе ненадолго заглянуть в Сумрак. Очертания мира расплылись. В сером хаосе размытыми пятнами плыли поблекшие к ночи ауры пассажиров. Я обернулся... далеко, у самого горизонта – если допустить, что в Сумраке есть горизонт, – пульсировало мертвенно-бледное мерцание.

По плечам рассыпались холодные мурашки. Никогда я не видел в Сумраке ничего подобного.

Ошибаешься. Совсем недавно – сегодня – ты видел это сияние, когда девчонка в хитоне поднимала из Сумрака свое ручное чудовище.

Бежать. Бежать.

Вздыбив воротник, я низко опустил голову и вышел на «Киевской». Здесь было тихо. На противоположной платформе два десятка пассажиров дожидались поезда – ни одного Иного. Я поднялся по лестнице в вестибюль и оттуда на эскалаторе спустился на Кольцевую линию.

Заглянуть домой на «Коломенскую» – на каких-нибудь пять минут. Предупредить родителей, взять деньги и документы. И на вокзал. Самолет быстрее, но поезд труднее отследить. Потом дозвониться до Омогоя, пусть едет ко мне сам.

– Стоять на месте!

Задумавшись, я не заметил, как кто-то крепко ухватил меня за локоть.

– В Сумрак не соваться! Руки подними!

Парень был немного младше меня, крепкий, налысо бритый, с капризным детским лицом. Его аура полыхала по краям багровой окантовкой. Темный. На глазок – пятого-четвертого уровня.

– Сет! – хрипло закричал он. – Сет, сюда, скорей! Я взял его!

Казалось, бедняга сейчас лопнет от радостного возбуждения.

На станции почти не осталось людей, словно все они вдруг вспомнили о каких-то делах и разбежались. От дальнего конца платформы к нам быстрым шагом приближались двое Темных – высокий мужчина с длинными волосами и молодая ведьма в черной меховой шубке.

Деваться мне было некуда. Если вы бывали на кольцевой «Киевской», знаете – выйти с платформы можно только в середине зала. Там, где я поджидал поезд – на месте остановки первого вагона, – лишь глухая стена, огромное зеркало да пыльное табло с электронными часами.

– Не шевелиться! – нервно воскликнул мой новый знакомый. – Я сказал, подними руки, Светлый!

– Да не психуй ты так, – изобразив поднятие рук, я осторожно повернул голову: на станцию въезжал поезд. Если б он ехал немного быстрее...

Длинноволосый Темный перехватил мой взгляд и криво усмехнулся. Поднял палец – состав с визгом затормозил, не доехав до середины перрона. Из-под

колес брызнули искры.

В этом коротком движении руки было такое количество Силы, что у меня перехватило дыхание.

Что ж, оставался один выход. Я без замаха ударил парнишку кулаком в зубы и спрыгнул на рельсы.

Темный взвыл от разочарования – добыча ускользала, а вместе с ней и его слава.

Бездонная чернота туннеля гостеприимно приняла меня, словно прикрыла от погони пологом темноты. Очень быстро стало так темно, что я не видел, куда бегу. Машинисты водили здесь поезда, освещая путь только светом фар.

Сзади долетел шелест шагов.

Бритый – не угроза. Ведьма, пожалуй, тоже. А вот длинноволосый, которого парнишка называл Сетом... с ним мне не тягаться, даже будь я в лучшей форме и весь увешан боевыми амулетами.

Я на бегу влетел в Сумрак. Поисковое заклятие развернуло передо мной целый клубок вероятных маршрутов. Даже не представлял, что здесь такая путаница рельсов и коридоров... я резко свернул налево, в какой-то вспомогательный туннель, пробежал по нему метров триста, выбрался на параллельный путь. Накатила упругая волна – по туннелю летел поезд. Я замер на месте как замороженный. Поезд несясь сквозь меня, в Сумраке он походил на порыв ураганного ветра. В физическом мире десятки тонн стали, стекла и пластика превратили бы меня в блинчик из фарша – но сейчас я был здесь только бесплотной тенью, наблюдающей из прохладной ниши в ткани реальности. Я поднял руку – сквозь нее мгновенно пролетали десятки, сотни тел людей; прикосновение к каждому из них было похоже на мгновенный поцелуй, раскрывающий судьбы, тревоги, радости, болезни, надежды.

Поезд исчез так же внезапно, как появился.

А у выхода из бокового тоннеля стоял бритый парнишка. Не говоря ни слова, он метнулся ко мне. В ладони его будто затанцевал десяток тоненьких длинных

змей. Я отшатнулся, но змеи вырвались из руки Темного, с тихим свистом опутывая мои локти, плечи, запястья.

Я пытался бороться. Вспоминал какие-то формулы, годные против этой напасти. Но большинство боевых заклинаний требовали использования рук или хотя бы одной ладони, я же не мог сейчас даже пошевелить ими.

Бритый с ухмылкой наблюдал за мной в Сумраке, крепко сжимая рукоять многохвостой плетки. Любят Темные такую подлую магию.

– Что же ты, – попытался я ухмыльнуться в ответ, – не убьешь меня сразу?

Плети стянули мои руки с такой силой, что я почувствовал жжение даже сквозь плотную ткань куртки.

– Отдай мне то, что взял у Маклера, – быстро сказал мой мучитель, – клянусь, я отпущу тебя. И на любом суде скажу, что тебя не знаю.

Я споткнулся о рельс и упал, ударившись коленом. Плети-змеи с шипением натянулись, сделали боль пронзительной, режущей. Это оружие не только обездвиживает, оно легко отнимет у меня жизнь.

– Просто скажи, где игрушка, – продолжал бритый, – и мучения закончатся.

Попробовать уйти на второй слой Сумрака? Это потребует огромного расхода с таким трудом собранных сил, и неизвестно, поможет ли. А эта пытка, вполне вероятно, ждет меня и там...

Налетела новая волна слепящего света – по туннелю несясь следующий поезд. Он обрушился на нас всесметающим ураганным порывом – и черные плети на миг ослабли. Не медля ни секунды, я вызвал «белый клинок». Обрубки черных змей повисли в Сумраке, похожие на истрепанные веревки. Удар в грудь противнику я наносил с оттягом и вроде бы наверняка – но порыв ветра от поезда на доли секунды задержал полет моей руки. Меч лишь царапнул его плечо, и в то же мгновение Темный исчез в коридоре. Трус.

Разминая затекшие руки, я побежал вслед ушедшему поезду. Сразу же заныло разбитое колено. Только этого не хватало!

Я ковылял наугад через унылое однообразие Сумрака, сделал несколько поворотов и уже спустя пять минут окончательно потерял направление.

– Стоп-стоп-стоп, хватит беготни на сегодня!

Я замер. Под сводом тоннеля вспыхнул алый огонек, похожий на пламя факела, и я увидел моих преследователей совсем близко. Длинноволосый – в элегантном плаще, с тростью; в его больших темных глазах плясали отсветы огня. Красивая молодая ведьма в шубке из черно-бурой лисицы. На ее изящных пальцах повисли сразу несколько тяжелых боевых заклятий... вот тебе и хрупкая девушка. Мой незадачливый бритоголовый приятель стоял позади длинноволосого, зажимая плечо – по-видимому, я все-таки достал его.

– Оставайся в Сумраке, так даже лучше, – сказал Сет, делая два шага вперед, – итак, воришка, что тебе пообещали за эту безделицу? Я дам в три раза больше.

Он протянул мне ладонь в кожаной желтой перчатке и подмигнул. Все интереснее и интереснее.

– Никогда не верь Темному, – сказал я, отступая.

– Ах, не все ли тебе равно, кому сдать украденное, – Сет сделал еще один шаг ко мне, – ведь ты воруете на заказ. Продаешь свой талант. А я умею ценить талант, даже если талантлив враг.

– Я ничего не крал. Вы приняли меня за другого, господи.

– Воровство удастся тебе лучше, чем ложь, – ухмыльнулась ведьма.

– Кто вы такие? Дневной Дозор? По какому праву?

– Нет, вы посмотрите на него. Не хочет по-доброму, – промурлыкал Сет, наступая, – а потом будут рассказывать байки о жестокости и несправедливости Темных.

– Что это за дрянь? – хрипло спросил я. – Почему она всем так нужна?

Сет покачал головой:

– Ты уже сунул палец в осиный улей, Светлый. Зачем засовывать туда всю руку? Или ты любишь боль?

Я молча отступал назад.

Сет взмахнул тростью, словно дубинкой. Его подруга медленно подняла ладонь, и Сумрак всколыхнулся, словно предчувствуя волну Силы.

Я лихорадочно размышлял. Отбиться я не смогу – силы слишком неравны. К тому же у меня разбито колено, и эти твари в темноте ориентируются куда лучше. Ничего мне не заплатят, и хорошо, если отпустят с пустыми карманами. Неужто все, что мне осталось, – попытка поторговаться за жизнь?

За спинами Темных призрачное серебристое сияние залило туннель. Слуха коснулся глухой рык, похожий на рокот землетрясения. Сумеречный червь наконец-то догнал меня.

Мои преследователи как по команде обернулись к нему навстречу, Сет громко и властно заговорил, сплетая мощное оборонительное заклятье...

Он не успел.

Решение пришло мгновенно – и «фриз» сорвался с моих пальцев, накрыл троицу Темных. Они замерли посреди туннеля, окаменевшие, неподвижные – скульптурная группа «Удивление».

Я тихо рассмеялся. Червь услышал меня и, деловито рыкнув, пополз вперед по туннелю, как исполинская змея по своей норе. Налетел на Темных – и остановился. Тварь извивалась, пытаясь протиснуться между телами Иных, но без толку – червь был слишком толстым. А замороженные «фризом» объекты, как известно, не сдвинуть с места никакой силой на свете, пока действует заклятье. Не сдвинуть, не сожрать, не поцарапать.

Белые капли (яд? эманации энергии?) летели с клыков чудовища. Я с брезгливым интересом разглядывал жирное туловище и кошмарную, раскрытую в немом вопле пасть. Омогой, что за ужас мы пробудили к жизни? Каких бед оно может натворить – и что будет тогда с нашей совестью?

Я вышел из Сумрака в холодную, сырую пустоту метро. Здесь было тихо, как в склепе, словно ничего необычного не происходило поблизости. Судя по грязным рельсам, в этом туннеле поезда появлялись редко.

Прихрамывая, я поплелся искать станцию.

* * *

– Кофе. С молоком и сахаром.

– Мы скоро закрываемся, – недовольно сообщила официантка.

– Я ненадолго.

Наверное, стоило сразу ехать домой, но после длительного пребывания в Сумраке я чувствовал себя выжатым до капли и поднялся наверх подкрепиться. Кроме того, метро уже казалось мне особенно опасным местом.

Со второго этажа кафе на Дорогомиловской улице была хорошо видна вся площадь перед Киевским вокзалом, огромная и пустая. Тускло сияли фонари над дорогой, в сквере ветер гонял по обледенелым дорожкам поземку. Часы на башне вокзала показывали без десяти одиннадцать вечера. Как же я устал сегодня...

За столиками было пусто. Пожилая уборщица с плеском поставила в проходе ведро с водой и принялась орудовать шваброй, сердито поглядывая на меня. Принесли кофе. Я бросил в чашку пять ложек сахара, осторожно отхлебнул... и чуть не поперхнулся, когда в кармане затрезвонил телефон.

– Слушаю.

– Кот, ты цел?

Незнакомый голос.

– Откуда у вас этот номер?

– Я помощник Омогоя. Не дергайся, парень.

– Почему он не звонит сам?

– Он думает, что можно сделать, – ответил незнакомец. Голос был низким, чуть хрипловатым, успокаивающим.

– Мне все равно, что он там думает. Пусть заплатит и заберет заказ!

Кажется, я сказал это слишком громко. Официантки у кассы переглянулись, одна зашептала другой на ухо.

– Он заберет и заплатит, остынь, – невозмутимо продолжал незнакомец, – а пока от его имени говорить буду я. Можешь называть меня Скифом.

Я залпом допил кофе:

– Во что вы меня втянули, Скиф? Что это за высохшие мощи в коробке из-под античных фломастеров? Почему Темные словно с цепи сорвались?

– Не только Темные тебя ищут. Дневной Дозор подал протест на твои действия Гесеру, и тот в знак доброй воли поручил Ночному Дозору помогать Темным в поимке вора.

Я пытался что-то прошептать в ответ, но язык впервые в жизни отказался мне служить.

– Послушай внимательно, Кот, – продолжал мой собеседник, – Омогой понимает свою ответственность за то, что происходит. Он поможет тебе с Дозорами. Но главная проблема – это червь. Прежде чем мы поможем тебе, ты должен

избавиться от червя.

– Но как, черт возьми, я должен...

– Не знаю! – Он впервые повысил голос. – У Омогоя с тобой договор: он называет тебе место, ты приносишь заказ; все ловушки и охранные заклятия – твои проблемы. Омогой платит тебе не за то, чтобы потом отбиваться от колдовских тварей, которых Маклер оставил стеречь артефакт.

Я закусил губу: Скиф был прав.

– Кот, ты услышал меня?

– Услышал.

– Есть какие-нибудь идеи?

– Есть, – буркнул я, – пойду прыгну в реку с Бородинского моста.

– Там сейчас крепкий лед, – ответил Скиф, – когда что-нибудь надумаешь, звони.

В трубке раздались короткие гудки.

В тишине и пустоте я наблюдал в окно, как по огромной безлюдной площади перед вокзалом двигаются в мою сторону четыре язычка Темного огня – четыре ауры Темных дозорных. Они пока еще далеко, но через несколько минут будут здесь, и мне не укрыться от них ни за какими стенами. Только бежать, бежать прочь – через промороженный до глубин заснеженный город. Я отставил чашку и приготовился уходить, но замер у окна: два Светлых огонька – ауры магов Ночного Дозора двигались наперерез Темному патрулю. Все шестеро остановились у круглой рекламной тумбы на остановке троллейбуса и о чем-то миролюбиво заговорили. Один из Светлых протянул Темным пачку сигарет, и компания преспокойно закурила, поглядывая по сторонам.

Сердце радуется, какие мир да любовь настали. Неужели из-за меня? Даже как-то тепло на душе от этой мысли.

На Кутузовском я поймал старенькую «шестерку» и упал на заднее сиденье.

– Коломенская улица. Только не через центр.

Водитель, молодой кавказец, не удивился:

– Пятьсот рублей, новыми.

Приезжий мог бы и возмутиться. Но мы, москвичи, привычные.

– Хорошо, только быстрее.

Насколько велика вероятность, что мое имя уже известно Дозорам?

Мотоциклисты на Рублевке, троица Темных в метро – всем хорошо досталось от меня. Ауру мою они видели – но нужно хотя бы несколько часов, чтобы установить личность. Главное, не попасться с поличным на улице.

Отчего-то я был склонен поверить Скифу. Да, если сбросить со следа червя с девчонкой – то, наверное, я смогу где-то отсидеться, и Дозоры со временем оставят меня в покое. Но только как это сделать? Червь следует в Сумраке за артефактом. Предположим, я верну его – девчонка уйдет и уведет с собой чудовище. Но тогда мне придется отвечать перед Дозорами, потому что Омогой и его приятель не станут меня прикрывать.

Автомобиль пронесся по Кутузовскому проспекту к выезду из города. Похоже, поедем по кольцевой дороге. Дольше, но безопасней – окраина.

– Холода настали такие, видел, да? – попытался завязать беседу водитель. – Машину утром еле завел.

– Да, наверное, – ответил я, – извини, я задремал.

– А... тогда спи, братан, еще далеко.

Червь в Сумраке идет за этой вещицей... он не может прорваться в наш мир, но зато вход в Сумрак для меня теперь смертельно опасен. А значит, использование любой магии становится проблемой. Я никогда не смогу быть уверенным, что,

подняв тень, не окажусь сразу же в мерцающей пасти с несколькими рядами зубов.

«Шестерка» свернула на кольцевую дорогу и полетела на юг. Под капотом с ревом работал старенький двигатель. Я представил, как следом за нами, стремительно сжимая и разжимая кольца, летит через Сумрак над МКАД исполинская колдовская тварь. Сможешь ли ты спокойно уснуть, зная, что он где-то рядом? Сможешь ли укрыться от его хозяйки даже на краю света?

Было уже далеко за полночь, когда машина медленно вкатилась на Коломенскую улицу. Я жил на самой оконечности полуострова, образованного широкой лентой Москвы-реки и Нагатинского затона, где ремонтируют речные суда. В тревожном мерцании редких фонарей над пустой улицей ветер раскинул пелену тончайшей снежной пыли. Двенадцатизэтажные серые коробки спального района погрузились во тьму, лишь кое-где мелькали в белесом тумане тусклые пятна не спящих окон.

– Останови здесь, – сказал я водителю за три дома до своего, протянул ему купюру... и, заметив радость на его лице, беззастенчиво выпил Светлые эмоции.

– Спасибо, братан, – сказал он, – доброй ночи.

– И тебе спасибо.

А ведь это мысль – Светлую, радостную энергию можно просто покупать. Ведь ее в людях порой сложнее найти, чем раздобыть для этого деньги.

Я постоял под фонарем, глядя, как «шестерка» разворачивается и исчезает в ледяном мраке. Стало тихо, лишь высоко в проводах посвистывал ветер. Мороз деловито запустил ледяную лапу под воротник моей куртки.

– Несанкционированное вмешательство, – сказал тихий ироничный голос за моей спиной, – незаконный отъем Силы у человека. Нехорошо.

Я обернулся, нехотя поднимая Щит Мага. Сил для нового сражения у меня не оставалось.

Под проржавевшим козырьком автобусной остановки – там, где мрак был особенно непроглядным, шевельнулась едва различимая тень. Я выхватил фонарик, но голос остановил меня:

– Не включай свет. Они где-то поблизости.

Глава 3

Пролистывая память назад, я не могу с уверенностью назвать день, когда я познакомился с Нелли. Смутно вспоминается прошлая осень и будто бы тронутые желтой кистью кроны берез во дворе. Мы впервые увидели друг друга в нашем универсаме, в отделе спиртных напитков. Я держал в руке банку пива, она – бутылку сухого вина и пакет зеленых яблок. Никогда не видел, чтобы Нелли ела что-нибудь, кроме яблок. Если бы вы встретили ее на улице, вы сразу признали бы в ней Светлую волшебницу, и дело не только в ауре, золотисто-белой, как солнечный свет в летний полдень. Вся наружность девушки говорила об этом: и светлая кожа без признаков родинок или веснушек, и льняные волосы до плеч, и льдисто-голубые глаза. Но главное – взгляд. Присмотритесь к знакомым женщинам. Темные – ведьмы, колдуньи и заклинательницы мертвых – искусно маскируют себя. Светлых всегда выдают солнечные зайчики в глазах. Даже если они только ждут инициации.

Нелли поселилась в соседнем доме. До ее появления я наслаждался положением единственного Иного во всем микрорайоне. И странное дело, при первом же взгляде на нее, еще тогда, осенью, я почувствовал тревогу.

– Если ты домой, – сказала Нелли, – то, возможно, тебе будет интересно: несколько Темных сидят у твоего подъезда в машинах и греются разведенным спиртом.

Сердце мое упало. Значит, все-таки вычислили.

– А если не домой? – спросил я.

– Тогда, полагаю, дела твои совсем плохи.

Я спрятал фонарик, без сил опустился на лавку рядом с девушкой.

– Спасибо, что предупредила. Долго ждала?

– Не очень. Тебе повезло, что я шла мимо твоего дома и заметила их. Я взяла книжку, чтобы скоротать время.

Рассеянный свет уличного фонаря упал на потертую обложку: Джек Керуак «На дороге».

«Умеешь читать на ощупь?» – хотел сострить я, но осекся. Конечно, Нелли была слабенькой Иной – шестого, от силы пятого уровня, – но уж не замерзнуть на автобусной остановке в двадцатиградусный мороз и при этом наслаждаться чтением в почти полной темноте – даже для нее в этом нет ничего сложного.

На вид я дал бы ей лет двадцать. Кажется, Нелли рассказывала, что обучается на курсах целителей в школе Ночного Дозора. До этого морозного вечера мы говорили с ней едва ли раз пять. Временами я встречал ее в автобусе или во дворе, в неизменной курточке с меховым воротником, или на кассе в универсаме с пакетом яблок – и мы перекидывались по-соседски парой слов. Девушка знала только, что я бросил Литинститут и живу с родителями. Я не сообщаю о своей профессии всем подряд: клиенты сами находят меня через общих знакомых.

Мы не были с Нелли друзьями, даже приятелями. С чего бы ей сидеть тут и ждать меня до глубокой ночи?

– Идем, – девушка бросила книгу в сумочку и встала, – переночуешь у меня.

– Ты уверена?

Я остался сидеть, устало глядя на полет снежинок в свете фонаря.

– Тебя могут заметить здесь в любой момент, – сказала она.

– Нелли, я не хочу тебя впутывать.

– Я уже впуталась.

– Ты не понимаешь. За мной придут. Придут убивать.

Нелли взяла меня за руку. Ее пальцы были холодными и сухими. Все-таки она замерзла, дожидаясь меня.

– Матвей, сейчас для тебя самое безопасное место в городе – моя квартира. Идем, сам увидишь.

И я уступил. Я долго тренировал умение отличать в интонациях ложь от правды – но сейчас спасовал. Нелли быстро шагала по ледяной корке, в которую превратилась пешеходная дорожка, и в светлых волосах ее сверкали снежинки. Прихрамывая (саднило разбитое в метро колено), я двигался следом. Вот и мой дом показался. Издалека я не мог разглядеть, что происходит у подъезда, но в нашем окошке на девятнадцатом этаже горел свет: родители еще не спали. Я почувствовал укол вины.

– Сюда, – Нелли свернула к подъезду, – погоди-ка.

На исписанной граффити и матерными словами стене висела яркая черно-красная афиша. Я успел прочесть «ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ. ПЕРВОЕ ШОУ ЕВРОПЕЙСКОГО КЛАССА В МОСКВЕ», когда девушка сорвала ее со стены, смяла в комок и отнесла к мусорному контейнеру. Ладно. Значит, мы не любим эти шоу. Или просто – за чистые стены.

Пока мы поднимались в лифте, одна мысль скользнула по краю моего сознания, я вцепился в нее и повертел, рассматривая под разными углами. Ночной Дозор ведь помогает Темным в поисках ловкого молодого Иного, обокравшего хорошо охраняемый дом Маклера. Нелли посещает их школу, значит, Ночной Дозор в контакте с ней. Темные дважды пытались меня взять – безрезультатно. Что, если теперь их Светлые коллеги приготовили свою ловушку? Ведь насколько умнее не использовать грубую силу – но оставить на пути вора хорошенькую молодую девушку, которая вдруг прониклась желанием его спасти и поддержать? Я облизнул пересохшие губы. Что, если у Нелли дома меня ждет теплый прием?

Мы вышли из лифта, и я положил руку на плечо девушке:

– Я должен сказать тебе нечто важное.

– Здесь? – Ее голубые глаза широко распахнулись. – В коридоре?

– Темный и Светлый Дозоры сейчас ищут меня, чтобы отнять кое-что. Одну ценную игрушку. Я хочу, чтоб ты знала, просто на всякий случай. При попытке забрать ее без моего разрешения эта вещь будет уничтожена.

Нелли заговорщицки подмигнула:

– Я прощаю тебе твое недоверие.

Она сложила пальцы правой руки в Хоспициум, знак гостеприимства:

– Матвей Гордеев, войди в мой дом и будь гостем. Пока ты мой гость, я не смогу ни словом, ни делом причинить тебе зла или ущерба. Клянусь Светом.

Я почувствовал теплую волну облегчения. Нет, не то чтобы я готов был девчонке довериться. Порой и Светлые лгут, даже друг другу. Но нарушить такую клятву – не знаю, каким подлецом надо быть и какие последствия для клятвопреступника это может повлечь.

– Скажи слово «друг» и входи...

– Куда? – не понял я.

Нелли сделала шаг к дальней стене. Только когда она взялась за ручку двери, я увидел ее очертания. Я мог бы годами ходить по этой лестничной клетке и не обращать внимания на вход в квартиру. Чужак, проходи мимо. Неплохо.

– Это кто здесь бродит по ночам? – У меня за спиной заскрипели давно не смазанные петли, и на пол упала полоска света. – Нелька, ты, что ли?

– Я, дядя Кеша.

– Блин, чуть тебя не пропустил, едрена копать...

Лестничную клетку заполнил кислый запах перегара. Из-за соседской двери выпростался невысокий краснолицый гражданин лет пятидесяти – с зарождающейся лысиной и мохнатыми брежневскими бровями. Он с испуганным интересом уставил на меня круглые маленькие глазки, и тон его смягчился:

– Нелюшка, червончик бы мне... помираю совсем...

– Возьмите, дядя Кеша.

– У девятого дома есть круглосуточный... Я отдам, чес-слово. Как только устроюсь на работу...

Хрустящая купюра исчезла в руке соседа, и он дематериализовался. У меня на случай встречи с такими «умирающими» всегда есть пара слов, но сейчас я сдержал себя.

– Ничему не удивляйся, – потянула меня за рукав девушка.

Мы пересекли порог ее дома, и я почувствовал бегущие по телу ледяные мурашки. Я никогда не видел такой мощной защиты. Нигде.

Это была какая-то совершенно незнакомая мне магия, очень искусная и древняя. Во-первых, сама квартира была полностью укрыта от посторонних глаз. Словно темный кокон в полости среди железобетонных сот, не пропускающий никаких сканирующих заклятий и не выпускающий наружу ни малейших эманаций Силы. На ум пришла аналогия с черной дырой в космосе – не очень верная, но образная. Во-вторых, квартиру четко по периметру окружали многочисленные и мощные охранные заклятия. Ворваться сюда силой вряд ли смог бы даже Высший маг – по крайней мере ему пришлось бы изрядно попотеть.

– От кого такая оборона? У тебя тут что, хранилище Центробанка?

– Это не моя защита. Дядя поставил. Держи тапочки. Ванная в конце коридора, чистое полотенце возьмешь в шкафчике...

– Твой дядя? Тот, на лестнице?

– Забудь о нем. Это сосед-алкаш.

– А настоящий дядя?

– Он в комнате справа от ванной. Не перепутай – твоя комната слева.

Наверное, на моем лице отразилось все, о чем я подумал, потому что Нелли улыбнулась:

– Неужели ты думал, что я приведу к себе ночевать малознакомого парня, и дома никого, кроме нас, не будет? Давай в душ, я пока приготовлю что-нибудь поесть.

В ванной я включил воду и достал мобильный.

– Мама, привет...

– Матвей, ну наконец-то. Ты живой?

– Со мной все в порядке... не волнуйся, пожалуйста.

– Неужели трудно было позвонить раньше? Мы с отцом уже морги собрались обзванивать.

Я мог бы сказать, что мне и сейчас звонить домой очень рискованно – даже из-под такой искусной магической защиты. Но родители понятия не имели о магии. Они верили, что я работаю начальником отдела в логистической компании.

– Мам, ну сколько можно со мной как с ребенком? Мне скоро двадцать пять лет.

– Что это там, вода шумит?

– Да, я собрался в душ.

– Завтра тебя ждать? Где ты ночуешь?

– У одной знакомой.

– У тебя появилась девушка? – пошла в атаку мама. – Как ее имя?

– Просто коллега по работе, – соврал я, – как там отец?

– Сегодня получше, я сделала ему укол, вроде бы заснул. Так как зовут твою девушку, Матвей?

– Прости, у меня телефон совсем разрядился. Нужно бежать. Пока.

Я забрался в ванну, встал под душ, наслаждаясь потоком горячей воды. Не знаю, мама, позвоню ли я завтра, приду ли домой в обозримом будущем. Твой сын влип в историю, из которой не выйти таким, как прежде. Я посмотрел на «спецхран», лежащий на стиральной машинке под стопкой одежды. Что же такое я украл, вот бы знать? Когда я только начинал, мои мотивы были другими. Кто-то похитил семейную реликвию скромной Светлой волшебницы из подмосковного Подольска – справочник по целебным травам. Я нашел его у живущей через дорогу ведьмы и вернул без привлечения Дозоров. Бескорыстно, за «спасибо». Как выяснилось позже, у моей первой клиентки нашлось немало знакомых и друзей, которым требовались похожие услуги в разных городах страны. Чаще всего нужно было освободить кого-то из Темного лагеря от бремени владения полезными книгами, амулетами и артефактами. Я брал за услуги недорого, тщательно скрывал свою настоящую личность и ни разу не вступил в конфликт с Дозорами. Все шло довольно гладко, пока мне не позвонил Светлый маг, назвавшийся именем Омогой.

Я трижды щелкнул пальцами, и моя одежда стала сухой и чистой. Одевшись и пристроив «спецхран» за пазуху, я двинулся на кухню.

Меня встретили тарелка горячей яичницы с колбасой, стакан молока и бутерброды.

Бормоча бессвязные благодарности, я набросился на еду. Нелли сидела напротив меня и задумчиво жевала порезанное на дольки зеленое яблоко. Она убрала волосы в хвостик, и стали видны изумрудные сережки-капельки – я даже через стол чувствовал повисшие на них незнакомые заклятья. Под расстегнутым воротником белой блузки покачивался на серебряной цепочке янтарный амулет

– тоже явно не простое украшение.

– Твой дядюшка, – произнес я, когда во рту стало посвободнее, – он тоже Светлый маг?

– Да. Специалист по волшебным книгам и трактовке древних текстов.

Круто. Редко такое случается, чтобы в одной семье сразу двое Иных.

– И как, хороший специалист?

– Он был библиотекарем князей Долгоруковых и консультировал двух последних царей.

Вилка с куском яичницы в моей руке замерла на полпути ко рту.

– Неплохо. И что... великий библиотекарь уже спит? Он не против того, что я заглянул к вам?

Нелли помолчала, глядя в окно. Там, в белесом свете фонарей, кружились снежные мотыльки.

– Я уже взрослая и могу дружить с кем захочу. А он не выходит из своей комнаты. Можешь спокойно спать ночью – ты под его защитой.

Как хорошо-то, подумал я, вытянувшись в темноте под одеялом. Как мне повезло с соседкой, да и с ее необщительным дядей тоже. Если б не они, я бежал бы сейчас через снегопад куда глаза глядят или давал показания в подвалах Дневного Дозора.

Глаза слипались, но я все же еще раз внимательно просканировал комнату через Сумрак. Ничего подозрительного. Обыкновенный платяной шкаф, стеллажи с книгами, антикварное зеркало над столиком, цветочная ваза с японскими узорами... ни следа магии. Лишь металлическая коробка на стуле у изголовья тускло мерцала скрытым болотно-зеленым светом.

Может быть, девчонка подмешала что-то в чай. Ты стал подозрительно благодушным, отчитал я себя.

Нельзя жить, никому не доверяя.

С твоей профессией – можно.

Я вспомнил клятву Нелли и ее сложенные в знак гостеприимства тонкие белые пальцы. Нет, юная волшебница не станет вредить мне.

Как насчет дядюшки? Он-то ни в чем не клялся.

Незаметно я соскользнул в теплую темноту сна, но вскоре что-то разбудило меня. Это был не звук или прикосновение – нечто на уровне глубочайшего инстинкта. Я посмотрел на мерцающий экран мобильного телефона – 03:32. Получается, дремал я где-то час с небольшим. Прислушался: в квартире царила такая тишина, что я мог различить спокойное дыхание Нелли за стеной.

Все в порядке. Спи, набирайся сил. Завтра они тебе понадобятся.

Нет. Не все в порядке.

Я выскользнул из-под одеяла, подошел к холодному окну, осторожно коснулся его ладонью. Между стеклами рамы, прозрачная, невидимая, ощутимо вибрировала тонкая пленка магической защиты. Никто не увидит меня за этим стеклом с улицы, никто не ворвется сюда.

Снег за окном перестал, и в разрывах облаков поплыла серебристая круглая луна, похожая на новую пятирублевую монету. В ее свете пустая заснеженная улица перед домом казалась сказочным пейзажем с новогодней открытки.

На детской площадке, между сломанными качелями и покосившимся турником, стояла девочка в хитоне. Ее голые ноги утонули в сугробе, на черных волосах таяли пушистые хлопья снега. Девочка медленно поворачивала голову, оглядывая длинный многоэтажный дом, словно сканируя его взглядом.

Мое сердце замерло, затем глухо и часто забилось, разгоняя кровь до шума в ушах.

Она пришла за тобой. Она будет идти следом, пока у тебя остается эта древняя игрушка.

Отодвинувшись подальше от окна, я осторожно посмотрел во двор через Сумрак.

Вот он. Исполинский мерцающий червь свернул кольца вокруг девочки, словно ручной уж, занял своим телом почти весь двор. Его уродливая голова лежала у ног хозяйки – похоже, монстр спал – если такие твари вообще спят.

На цыпочках я вернулся в кровать и накрылся одеялом с головой.

Глава 4

Высоко в ультрамариновом июльском небе одна за другой гаснут звезды – холодные игрушки космоса: вот их несколько миллионов, вот едва ли тысяча, вот лишь самые яркие упрямо мерцают, сопротивляясь наступлению утра. Я лежу на траве после бессонной ночи, глядя в ледяные глаза мироздания, и где-то рядом слышится ласковый, как пение флейты, голос:

– Матвей...

Я поднимаюсь на ноги и иду на звук, пробиваясь сквозь густое разнотравье. Иду минуту или, может быть, час и, уже потеряв надежду, выбираюсь на разбитую сельскую дорогу, что ведет в никуда из ниоткуда. Над мохнатой шкурой леса растекается золотое и алое, и в роще над ручьем прочищают горло утренние птицы.

– Где же ты? – кричу я.

Но ласковый голос стих навсегда, оставив лишь эхо, и я стою один посреди бескрайнего поля – с ног до головы в холодной утренней росе...

Сон это или явь, но я снова студент-первокурсник литературного института и провожу самые жаркие месяцы 1990 года в трудовом лагере в Воронежской области. Днем мы работаем в поле или бесконечных садах, раскинувшихся на высоком берегу Дона, а вечером, поплескавшись в реке, разводим костер на площадке за поселковым общежитием и поем под гитару песни. Дым щекочет ноздри, постреливают в полумраке алые угли. Пацаны приносят откуда-то самогон в бутылках из-под «Буратино»; вожатые борются с этим, но вяло.

С первого дня я не отрываю глаз от Тани. Высокая, грациозная, загорелая дочерна Татьяна – заместитель руководителя трудовой практики. У нее серые глаза и длинные, до пояса, каштановые волосы, а под обтягивающей белой футболкой с эмблемой пхеньянского Всемирного фестиваля молодежи – никакого нижнего белья. Татьяна такая взрослая по сравнению с нами, вчерашними школьниками! Ей двадцать семь или даже двадцать восемь, но отчего-то не однокурсницы (начинающие поэтессы и критикессы) интересны мне, а эта серьезная, даже грустная порой женщина. Я не замечаю сам, как всё чаще заговариваю с Таней, мы вместе сидим на крыльце после ужина и щелкаем семечки, вместе поем песню группы «Кино» про мягкое кресло, клетчатый плед и не нажатый вовремя курок. Я улыбаюсь ей, она улыбается мне – улыбка ее всегда немного печальная, и это гипнотизирует меня.

Уже не помню, как это вышло, но однажды на закате я целую ее в губы, чувствуя запах вина и легких духов. Мир кружится вокруг нас, а Таня шепчет: «В полночь приходи к столовой, только чтоб не видал никто».

И я прихожу. Я знаю, что сегодня произойдет то, о чем с определённого возраста постоянно думает каждый мальчишка. Немного страшно, но надо же когда-то начинать. К тому же Таня мне нравится.

Мы уходим в некошенные луга, и все происходит при свете звезд и сверкающих Персеид. Слегка влажные волосы Татьяны пахнут персиковым шампунем; в глубоких, как омут, серых глазах отражается водоворот Млечного Пути.

– Матвей, – говорит она тихим голосом, который я буду вспоминать в своих снах много лет, – не торопись. Расслабься, я все сделаю сама.

Когда небо начинает светлеть, и я падаю рядом с Таней без сил, мокрый от пота и счастливый, происходит странное. Губы моей подруги беззвучно шевелятся,

она берет меня за руку – и мир вокруг исчезает в сером мельтешении полутонов, словно превращается в черно-белый размытый фильм. Пробирающий до костей холод быстро высушивает пот.

– Не бойся, – Таня с силой сжимает мою руку, обнимает за шею, – не бойся, все хорошо, так нужно.

– Какого дьявола? – Я пытаюсь вырваться, но Татьяна закрывает мне рот ладонью.

Вскоре краски возвращаются, и она рассказывает мне о Сумраке, об уровнях Силы, о волшебстве, о борьбе Темных и Светлых.

– Теперь ты – Иной, Матвей. Светлый Иной, как и я, – говорит Таня, когда мы на рассвете возвращаемся в лагерь, держась за руки.

– Что ты сделала со мной?

– Это называется инициация. Не сделала бы я – сделал бы кто-то другой рано или поздно.

Пройдут годы, и все изменится – но в то утро первый секс мне кажется важнее и интереснее первого входа в Сумрак.

Позади на колхозной дороге раздаются тарахтенье, грохот и стук. Нас догоняет мотоцикл с коляской, в нем трое проспиртованных, голых по пояс мужчин. Кто они – не знаю, наверное, из поселка. Они свистят нам вслед и смеются.

– Понравилась телочка, малец? – сиплым голосом спрашивает тот, что за рулем. – Не поделишься с рабочим классом?

Его красные от загара грудь и плечи покрыты татуировками, во рту сверкает золотой зуб:

– Так кто кого трахнул, сопля? Ты ее – или она тебя?

Я сжимаю кулаки, но Таня останавливает:

– Не надо. Пусть едут.

Однако проспиртованные и не думают уезжать. Они продолжают изобретать оскорбления, затем один из мужчин соскакивает с мотоцикла и пытается обнять Таню за талию.

– Напросились, – шепчет она и делает несколько быстрых движений руками.

Мотоцикл исчезает. На его месте появляется телега на деревянных колесах. Дно ее выстлано соломой. Телега запряжена двумя низкорослыми пони с ошалевшими мордами; перед ними на дороге сидит, похрюкивая, вымазанный в грязи боров.

– Айда, залезай, – смеется Татьяна.

Мы едем в повозке по полю до самого шоссе, а боров, хрипя от ужаса, бежит впереди – и я чувствую себя персонажем повести Гоголя. Таня с улыбкой говорит о всякой ерунде... она и в самом деле спокойна, расслаблена. Неприятное приключение нисколько не выбило ее из колеи.

– Они так и останутся в образе ишаков и порося? – спрашиваю я.

– Это было бы слишком жестоко. К вечеру станут прежними уродами.

Улыбка сходит с лица Тани:

– Ты должен знать: применять магию к людям нужно очень осторожно. То, что я сделала сейчас, – простительно, потому что я защищалась. Но магическое вмешательство в судьбу людей под строгим запретом. Существует Великий Договор между Светлыми и Темными Иными...

Проходят дни, и Таня ведет себя как прежде. Она печально улыбается мне и поет под гитару у костра, но встреч под звездами больше нет. Через неделю мы разъезжаемся по домам. Таня снится мне каждую ночь. Я узнаю через деканат ее адрес и пишу письмо за письмом, на которые нет ответа. Начинается учебный год, мне не до лекций. Почему она не напишет мне в ответ хоть слово? В один особенно серый и слякотный день я беру билет на первую утреннюю электричку

и еду к ней во Владимир. Я сажусь на лавочку во дворе ее дома и жду, жду, жду... Наконец, убедившись в моем упрямстве, она выходит и садится рядом – еще более прекрасная и волнующая, чем раньше.

– Почему? – тихо спрашиваю я.

– У меня семья, – она лукаво наклоняет голову, – муж, дочка-первоклашка.

Каждое ее слово – будто удар молотком по черепу.

– Прости, Матвей, – шепчет Таня с улыбкой и целует меня в щеку, – ты славный. Но наша с тобой история закончилась. Счастливо тебе.

Она поднимается и идет к подъезду.

– Но зачем, – говорю я ее спине, – зачем была та ночь?

Таня долго смотрит мне в глаза:

– Действительно хочешь знать правду? Что же... имеешь право.

Где-то далеко скрипят ржавые качели. Над куполами старинных владимирских храмов с криками носятся галки.

– Я сделала то, что должна. От того, в каком состоянии Иной впервые входит в Сумрак, зависит, какую сторону он выберет. Я видела твою ауру с первого дня – ты должен был стать Темным. Только Темным, и никак иначе.

Таня смеется:

– Но я сумела все изменить. Без всякого пошлого колдовства. Просто инициировала тебя в тот момент, когда ты был очень счастлив...

Я открыл глаза. В окно лился мягкий солнечный свет.

Не сразу сообразил, где нахожусь, – а когда вспомнил, резко сел на кровати... и услышал тихое пение за стеной.

Может быть, Нелли так подавала мне знак – пора просыпаться. И пусть знакомая песня в ее аранжировке звучала совсем негромко, напевно, словно лирическая баллада – под печальный и тихий перебор струн, но мой обострившийся слух ловил каждое слово:

Кусок не по зубам, не по Сеньке вина,
Не по росту потолок, не по карману цена,
Не по вкусу пряник, не по чину мундир,
Пуля виноватого найдёт, пуля виноватого найдет.
Прятались вены – искала игла,
Ликовали стрелы – порвалась тетива,
Колесом в огонь – щекой в ладонь,
Пуля виноватого найдёт, пуля виноватого найдет.

Я вышел в коридор и встал у двери в ее комнату, чувствуя, как от звука голоса начинает быстрее биться сердце.

Славный урок – не в глаз, а в бровь,
Калачиком свернулась, замурлыкала кровь,
Стала кровь хитра – а только мы похитрей,
Пуля виноватого найдёт, пуля виноватого найдет.
Проверим чемоданы – всё ли в порядке,
Пошарим по карманам – всё ли на месте,
Покашляем, покурим, посидим на дорожку.

Всё ли понарошку?..[2 - Егор Летов, «Гражданская оборона» – «Пуля виноватого найдет».]

Гитара смолкла.

– Любишь подслушивать?

– Не хотел портить песню, – кашлянул я в кулак, – она очень вдохновляет в моем положении.

– Хорошую песню ничем не испортишь. Как ты насчет завтрака?

Я толкнул дверь и зажмурился от ярко-оранжевого январского солнца:

– Доброе утро.

В комнате было тепло. На столе меня дожидались чайник, бутылка молока, хлеб, сыр и масло на тарелке, накрытой стеклянной крышкой. Нелли сидела на диване, скрестив по-турецки ноги в полосатых гольфах, тихонько перебирая струны. Светлые волосы рассыпались по плечам. Рукава блузки девушка закатала по локоть, чтобы легче было играть.

– У тебя очень красивый голос, – искренне сказал я.

– Редко кто-то слышит, как я пою. Как твоя коленка?

– Хм, – я согнул и разогнул ногу, – я бы и не вспомнил о ней, если бы ты не сказала. Твоя работа?

– Вот бы все проблемы со здоровьем решались так просто...

– Спасибо, Нелли.

По-человечески я чувствовал к своей соседке по двору симпатию и благодарность. Как Иной я по-прежнему не доверял ей.

Просторная комната служила Нелли сразу спальней, кабинетом и гостиной. Здесь пахло девичьим уютом. Над письменным столом в углу нависали книжные полки в три ряда. На умело расписанной вручную стене дремала над морем

Фудзияма – в кремово-розовом тумане цветущих сакур. Я заметил в дальнем углу, рядом с видеомэгнитофоном, стойку с тремя японскими мечами, и мое недоверие укрепилось. Юная целительница, значит...

– Ты не пошла на учебу? – намазывая бутерброд, спросил я.

– Сегодня суббота.

– Не боишься проблем с Ночным Дозором из-за меня?

– Плохо ты знаешь Дозоры, – Нелли вздохнула, отложила гитару в сторону, – они заняты лишь вечной склокой между собою.

– И что же мне делать дальше? – словно бы в пространство проговорил я, краем глаза наблюдая за реакцией девчонки. Если она привела меня сюда с неким умыслом, следующим ее шагом будет подтолкнуть к какому-то действию.

– Можешь оставаться здесь сколько нужно, – пожала плечами девушка (на груди качнулся янтарный амулет), – больше я тебе ничем помочь не могу.

Браво. Или она очень хитра, или я параноик.

Я подошел к окну. Девочка в хитоне по-прежнему была на детской площадке, бесплотной тенью замерла посреди наметенного за ночь сугроба. Мне показалось, или она теперь подобралась ближе к нашему подъезду? Проходящие мимо люди, конечно же, не видят ни девчонку, ни ее ручного монстра, разлегшегося в Сумраке, – но на детской площадке в это прекрасное утро ни одного малыша.

В кармане затрезвонил телефон. Номер не определился.

– Слушаю.

– Привет, вор, – незнакомый голос, – как спалось?

Странно, но я совсем не испугался:

– Полагаю, вы ошиблись.

– Ошибся ты, Гордеев, и как бы эта ошибка не стала последней в твоей жизни.

– Кто вы такой?

– С тобой, воришка, говорит Дневной Дозор. Выходи на улицу с поднятыми руками, и на суде это будет зачтено. Мы все видим во дворе девчонку в ночной рубашке и ее сумеречного глиста, а это значит – ты у себя в доме или где-то по соседству. Теперь найти тебя – вопрос времени, и удрать ты не...

Я отключил телефон и вынул батарею. Никаких больше звонков, пока я сам не захочу.

Посмотрел через Сумрак вдаль. Они были там. Темные огоньки аур окружали район по периметру редкой цепью. Среди них попадались и Светлые, но немного – обозначали присутствие. Западня.

Густо-синий купол неба потемнел, будто на город пала исполинская тень. Из-за пазухи у облака испуганно выглядывало маленькое солнце. Оно казалось нарисованным. Я видел, как на том берегу затона, где белели вмерзшие в лед речные суда, ветер закручивал высокие смерчи из сверкающего снега, но вокруг нашего дома царил ледяной покой.

И вот теперь удушающей волной накатил страх. Да что же я украл, если такие мощные силы пришли в движение? О чем думал старик Омогой, когда подряжал меня, малоопытного мага-самоучку, на этот грех? Я вдруг ощутил себя летящим в крошечной лодочке в центр бушующего урагана; даже слегка закружилась голова.

Особенно угнетало, что в охоте на меня участвуют Светлые. Как часто я слышал пафосные речи о вечной благородной войне и недопустимости компромиссов с Тьмой. Добро не может ужиться со злом, говорили они. Но как легко в погоне за мимолетной выгодой добро принимает сторону зла!

– Бедный, – сказала тихо Нелли за моим плечом, – бедный мой, ты же ни в чем не виноват.

Я обернулся и вдруг увидел близко-близко ее льдисто-синие глаза, и светлую челку, и пушистые ресницы. Девушка встала на цыпочки, приобняла меня и поцеловала в губы. Я хотел что-то сказать, но нахалка едва заметно покачала головой: молчи.

Тонкие губы Нелли были сухими от волнения. И страх исчез, словно снятый этим неожиданным поцелуем. Я по-прежнему не понимал, что здесь происходит, но решил принять правила странной игры.

– Видишь их? – задал я риторический вопрос.

– Вижу. Они пришли на рассвете.

– Они могут добраться до нас?

– Пока нет.

– Пока? Мило! Я мог убежать из города вчера ночью, но послушал тебя, и теперь все пути к отступлению перекрыты. Нелли, что мне делать?

– Они приходят на рассвете, когда сон особенно глубок, – прошептала девушка, глядя на снежные смерчи вдаль, – они нападают стаяй, большими силами... и не оставляют в живых никого.

Все ясно. Я махнул рукой:

– Ладно, попробую уйти по крышам.

– Они пришли на рассвете, – Нелли взяла меня за руку, – они убили мою маму и тетю на глазах у дяди и бросили его умирать, искалеченного. Они дали слово чести, что выпустят их живыми, но солгали и ударили ему в спину. Дядя не инициировал меня до того утра, хотел подождать моего совершеннолетия. Но когда они окружили дом – понял, что ждать больше нельзя. После инициации он превратил меня в мраморную статую и спрятал среди других, настоящих изваяний. Дом сожгли, но я уцелела, хотя до сих пор помню опаляющий жар раскаленных углей и шелестящий пепел. Прошло несколько дней, прежде чем я вновь обрела свое тело. Я даже не простилась с мамой.

– Я... сожалею. Когда это случилось?

– Давно. Я была еще крохой.

– Это сделал Дневной Дозор?

– Просто банда Темных в маленьком степном городке... какие уж там Дозоры.

– Все это очень интересно, Нелли, но не понимаю, как это относится к...

– Поговори с дядей. Сейчас. Он поможет тебе.

Я прикусил губу. По-прежнему не понимал, что творится, но решил использовать любой шанс. Кстати, теперь ясно, почему квартира так серьезно защищена.

– Хорошо, веди к нему.

В дальней комнате было темно, тихо и пахло больницей. Я ждал услышать старческий скрипучий голос, увидеть инвалидное кресло, но ошибался.

Тонкий и маленький, как десятилетний мальчик, старый Иной на огромной кровати казался мертвым. Сперва я увидел его большие бесформенные руки, обтянутые тонкой желтой кожей, грубые, высохшие. От левой руки тянулась трубка к капельнице с прозрачной жидкостью. Новенькая пижама контрастировала с глубокими складками морщин, в них лениво пульсировали голубые вены. Высокий благородный лоб окружали седые, как октябрьский туман, вьющиеся волосы; с левой стороны лоб был как будто вбит внутрь, и я понял, что мозг старика необратимо поврежден. Ясно, зачем Нелли ходит на курсы целителей в Ночной Дозор, но тут дело совсем плохо. Случаются увечья, которые не под силу излечить даже Великим.

– Ты сама ухаживаешь за ним? – тихо сказал я. – Столько лет?

– Сиделкам он не доверяет. – Девушка с нежностью провела рукой по щеке старика.

– Он говорит?

– Если посчитает нужным.

– И этот парализованный, годами прикованный к постели старичок может дать мне совет, как спастись из дома, окруженного десятками боевых магов, каждый из которых сильнее меня?

– Спас же он меня в такой ситуации.

Я смирился:

– Что нужно делать?

– Возьми его за руку.

Я опустил на колено перед кроватью и взял сухонькую ладонь инвалида.

– Ищи в Сумраке... Когда-то он был молод, силен и красив; он проводил дни и ночи над летописями – и получил прозвище Книжник. Не буду мешать.

Я слышал, как Нелли вышла из комнаты, шурша тапочками. Поискал на полу свою тень, осторожно заглянул в Сумрак. В бесцветном мельтешении мягко засветилась аура старика... и снова мои ожидания были обмануты. Я привык видеть ауры больных бурыми или темно-серыми, с яркими алыми вкраплениями, неровными и поблекшими – у Книжника аура оказалась хоть и тусклой, но мягкого желто-зеленого цвета, словно спелое яблоко. Да, он сильно пострадал, и не столько телом, сколько душой. Связь его сумеречного облика с физическим очень слаба. Мог ли бы ему помочь даже самый сильный из целителей? Сомневаюсь. Печальная судьба. Прожить такую яркую жизнь и завязнуть в конце между мирами беспомощным калекой. Для чего Нелли длит его мучения? Не лучше ли дать бедняге уйти в глубину Сумрака навсегда?

Я мысленно потянулся к нему через серое мерцание.

«Книжник».

В ответ – только ледяное дыхание Сумрака и тишина.

«Книжник, пожалуйста, помоги мне».

Я опустил голову, вслушиваясь в неторопливое биение сердца лежащего передо мной полутрупа. Ничего. Почему Нелли была уверена, что он будет со мной разговаривать?

«Книжник... Темные пришли за мной. Они окружили дом, и если я не сдамся – атакуют. Тьма меня заберет, если я знаю, что делать, но сдаться им – самоубийство. Я перешел дорогу каким-то жутким силам... не знаю, что может спасти меня».

И отклик пришел.

Серое мельтешение понемногу померкло, и я неожиданно увидел себя сидящим на белых истертых временем ступенях. Где-то высоко в облаках скользило неяркое солнце – камни были теплыми.

«Как твое имя?»

Я обернулся. Среди обломков мраморных колонн появилась рослая фигура. Да, это он... те же черты лица, но – высокий, с темными вьющимися волосами, широкоплечий, в белой свободной одежде. Ничего общего с племяшкой.

«Матвей».

«Друг Нелли?»

«Сосед».

«Единственный сосед, который знает о нас, – алкоголик Кеша, что все время клянчит деньги на опохмел...»

«Иной сосед».

Черные, как две крупные маслины, глаза внимательно изучали мое лицо. Книжник никуда не спешил. У него в распоряжении была вечность.

«Расскажи мне все, не забывая ни одной детали», – проговорил он. Его голос был глубоким и звучным, привыкшим повелевать.

Рассказ получился долгим, хоть я и торопился. Солнце стало припекать сильнее, и я услышал в траве стрекот цикад. Конечно, в Сумраке подобное невозможно. Это лишь морок, иллюзорный мирок, в котором Книжник коротает годы, предаваясь размышлениям и воспоминаниям на пороге небытия.

«Значит, ты даже не видел своего заказчика? Очень скверная складывается картина, мальчик».

Я промолчал в ответ. Лучший мой критик все равно я сам.

«Что тебе пообещали за артефакт? Кроме денег, конечно».

«Разрешение на вмешательство в судьбу. Третьего уровня».

«Кто-то умирает?»

Книжник и в самом деле проницателен.

«Мой отец. Рак в терминальной стадии».

Он кивнул:

«Хорошо. Принеси артефакт сюда и вложи его в мою руку».

«Извини, Книжник. Я вложу его только в руку заказчика».

«Ты у меня в доме, мальчик. Я могу заставить тебя отдать его».

«Нелли поклялась Светом, что в ее доме мне ничего не угрожает».

«Я не давал клятвы», – он слегка усмехнулся.

Приехали. Я почувствовал, как лбу выступила испарина.

«Ты можешь заставить меня отдать тебе ларец, в котором лежит артефакт. Но без моего добровольного согласия он не откроется. Всякий, кто попытается вскрыть его, уничтожит содержимое».

В зеленоватом сиянии по лицу старого мага пробежала легкая гримаса, и в ауре проступили алые нити.

«Ты молод и дерзок, но не глуп. Успокойся. Тебе ничто не угрожает в этих стенах. Гость моей племянницы – мой гость. Если верить твоему описанию – ты украл Перст Энлиля. Маклер, по твоим словам, бывает на Ближнем Востоке, а этот артефакт там видели сравнительно недавно, меньше века назад. Я думаю, Маклер – посредник, промежуточное лицо, так же, как и ты. Настоящий хозяин только готовился вступить во владение этой вещью; он не хотел, чтобы кто-то знал о ней, – потому и хранил артефакт не у себя. Скорее всего ты украл краденое. Скажи Нелли, чтобы нашла у меня в сундуке книгу легенд Эолиды и Трои авторства Эфора Кимского. Там есть страница-другая преданий о шумерском колдовстве... Когда меня искалечили, сожгли и большую часть книг, уцелели лишь те, что были в подвале, в том числе эта. Если заказчик обещает остановить Дозоры и уберечь тебя от суда – остается только избавиться от Стражей артефакта. Может быть, в книге найдешь что-то полезное».

«Спасибо за совет».

«Не благодари. У нас с тобой общий враг».

Неяркое зеленоватое сияние солнца поблекло. Книжник исчез. Камни исчезли. Я стоял на коленях в полутемной комнате и смотрел на холодную морщинистую ладонь на краешке одеяла.

Глава 5

Книга Эфора Кимского размерами напоминала небольшой чемодан, обернутый телячьей кожей, и представляла собой умело переплетенную коллекцию папирусов. Языком летописи был древнегреческий, но Нелли это нисколько не смутило.

«...записано со слов достопочтенного купца, вавилонянина Хушрипшу, в год триста шестьдесят шестой от начала олимпиад, в городе Яффо. О временах жестоких и мудрых правителей, их бессчетных богатствах и забытых тайнах, когда в пустынях расцветали прекрасные сады вокруг озер человеческой крови, и боги наслаждались зрелищем бесконечных войн и истребления под корень целых царств. Одним из таких царств была земля Аккад, Шумер и Ур, что пользовалась в давние века покровительством семьи солнечных потомков Намму и Ану, коих предания относили к древнейшим из богов Востока. В правление царя Шаркалишарри нечистые племена тутавов, верховодимые неистовым Гадлабом, надвинулись на страну Шумер с южного моря. Зная, сколь сильно укреплены великие шумерские города Ур и Лагаш, Гадлаб призвал на помощь жрецов ночи и получил от них колдовское оружие ужасающей силы. Так было явлено морское чудовище Куш-рам-гудур; тутавские жрецы много лет растили его в потайном заливе Шун, выкармливая мясом пленных воинов и молодых рабынь...»

Нелли перевела дух, бережно перевернула желтый шуршащий лист папируса:

– Подожди минуту, тут много лишнего... Вот отсюда...

«...морской зверь поднял из воды свою змеиную голову и одним ударом хвоста разбил стоявший на правом фланге боевой корабль. Дротики и стрелы не пугали его. Крики умирающих воинов летели из бурлящих волн. Затем Куш-рам-гудур, поднимаясь из глубин залива, опрокинул один за другим еще четыре шумерских корабля. Остальные в панике разворачивались к берегу, оставляя берег и город Ур беззащитными для неисчислимой флотилии тутавов, шедшей с юга под черно-синими парусами. Тогда молодой царь Шаркалишарри повелел верховному жрецу храма Энлиля принести на палубу ларец, украшенный рубинами и изумрудами. Там, в алмазном ложементе, покоился указательный палец самого бога ветра, дарованный им городу Ниппуру, коему он особенно благоволил. Шаркалишарри благоговейно прижал к сердцу перст грозного бога, и ладонь царя окрасилась каплей его священной крови. Придворные и военачальники пали ниц в ужасе: Энлиль покинул мир в незапамятные времена, но палец его был словно только что отсечен от руки. Царь что-то шептал, закрыв глаза. Вдруг воин на носу корабля закричал от изумления: чудовище взмыло над кипящей бездной и повертилось своей кошмарной мордой к тутавам. Оно с новым бешенством обрушилось на корабли врага, в считанные минуты разметав их обломки по волнам. Лазурная гладь залива покраснела от крови. Никто из тутавов не вернулся к своим очагам, и жестокий Гадлаб нашел гибель среди

ВОЛН...»

«...все кто находился на корабле, кроме жреца, были казнены по приказу Шаркалишарри, дабы сохранить тайну. Позже легенда о том сражении передавалась от одного верховного жреца к другому, пока новые, более сильные боги не пришли на место старых, одряхлевших...»

«...не было силы во всем мире, чтобы остановить колдовскую тварь Куш-рам-гудур, и только с помощью Перста молодой царь подчинил волю зверя себе, заставил уничтожить флот его же хозяев и затем исчезнуть навеки. После этого царь вернул подарок великого бога в храм – по завещанию Энлиля воспользоваться им в течение своей жизни человек может только один раз...»

– Это все? – спросил я. От шипящих древних имен у меня зачесалось в ушах.

– Все, – повела узкими плечами девушка, – дальше про разрушение храма Двенадцати Девственных Амазонок в Эфесе.

– Не стоит, – остановил я.

Значит, артефакт позволяет подчинить чью-либо волю себе. Один раз, но этого должно быть достаточно.

– Какие-то сказки Шехерезады, – задумчиво сказал я, – жрецы, боги...

– Матвей, я думаю, ты и сам понимаешь, что это были за жрецы и боги.

Я подошел к окну. Вдоль горизонта в тусклом солнечном тумане плыли облака дыма от заводских труб, похожие на исполинских извивающихся гусениц. Воздух стал еще темней, будто в небе разлили банку чернил. На повороте к нашему дому остановился черный блестящий джип, перекрывая выезд на улицу, из него вышли несколько «жрецов ночи». Я узнал среди них длинноволосого Сета и его смазливую подружку.

Итак, дом Кравцовых выделили среди других. «Спасибо» загадочной дивчине в хитоне, помогла Темным понять, где я прячусь... К счастью, в позднем Союзе любили строить огромные спальные муравейники о двенадцати этажах и

тысячах квартир, которые не так-то легко обыскать.

Я вставил батарею в телефон и набрал Скифа. Он взял трубку после первого гудка:

– Придумал?

– Ты можешь обещать мне, – попросил я, – обещать твердо, что Дозоры оставят меня в покое, если отвалится девчонка с ручным монстром?

– Даю тебе слово.

Свет и Тьма, но как? Для этого нужно быть Завулоном!

– Ты можешь приказать этой банде уйти?

– Мы теряем время.

– Что насчет Инквизиции?

– Будешь смеяться, но Инквизиция пока ничего не знает.

Смеяться? Впору рыдать. Темные хотят решить все сами, без стороннего арбитража.

– Сейчас не знает, – зашел я с другой стороны, – но если Темным утрут нос, они сразу же побегут жаловаться старшим.

– Пусть это не беспокоит тебя.

– Скиф... кто ты такой?

– Мы теряем время, Кот.

– Хорошо. Мне были нужны гарантии, и я их получил. Еще одна просьба... – Я оглянулся. Нелли тихо, как мышка, сидела на диване, неслышно перебирая

струны. – Тут есть одна юная девушка и ее... старый больной родственник. Они не должны пострадать, если Темные атакуют.

– Они не пострадают.

– Ты гарантируешь это?

– Гарантирую.

– Ладно. Дай мне еще минут пять и смотри внимательно, если ты поблизости.

У меня оставался единственный шанс выпутаться из этой истории с честью. Все происходящее было какой-то грандиозной пирамидой лжи – но я уже летел в своей утлой лодочке в центр тайфуна, и поворачивать назад было поздно. Я сходил за футляром, запертым в «спецхран».

– Нелли, – позвал я, – что бы здесь ни происходило, ты единственная Иная, кто поклялся не причинить мне зла. Я не доверяю никому на этом свете, но тебе не доверяю меньше других.

Юная волшебница отложила гитару, встала, растирая кисти рук:

– Что нужно делать?

– Будь рядом, когда это начнется. Последи за мной. Если все пойдет плохо, отбери у меня артефакт.

Нелли нахмурилась:

– Надеюсь, до этого не дойдет.

– Потом верни. Он мне не принадлежит. И если будет совсем тяжело... брось мне Силы сколько не жалко.

– Хорошо. Вернешь потом в двойном размере.

– Ты удивительная девушка, – сказал я, глядя на нее с недоумением, – неужели тебе не интересно, откуда я взял такую древность и почему за мной охотятся оба Дозора?

– Матвей, дядя все рассказал мне. По-моему, это очень благородно, что ты рискуешь жизнью ради твоего отца.

Я замер на месте:

– Вы можете говорить с Книжником через Сумрак?

– В пределах дома – конечно.

– Логично... Что же, не будем терять времени.

Я сбегал умыться, потом сделал стакан сладкого чаю и быстро проглотил пару бутербродов. Не представляю, какой объем энергии может этот окаменевший палец вытянуть. Будем надеяться, у меня хватит Сил. Если нет – мой отец умрет. Возможно, я тоже.

Сначала я ничего не почувствовал. Перст лежал в моей ладони – холодный, твердый, словно мертвый кусок камня. В Сумраке древний артефакт виделся темным продолговатым пятном в пульсирующем алом лепестке ауры на моей ладони. Я не представлял, как он действует, но верил – к любому магическому инструменту можно в практической ситуации найти подход.

Я на миг приложил его к сердцу, как тот шумерский царь; бросил к нему мысленный посыл, короткий толчок: проснись – будто обращался к живому существу.

И Перст Энлиля дрогнул в ответ, принимая подаренную мной толику Силы.

У меня пересохло во рту: я видел, я чувствовал, как в моих ладонях оживает плоть давным-давно (многие тысячи лет назад) ушедшего в Сумрак Великого Светлого. Мир качнулся перед глазами.

Помоги, шевельнулись мои губы.

Пусть чужое станет моим – до поры. Возьми мою Силу. Живи! Пусть небольшой частью тебя – вернись в этот мир. Смотри моими глазами, дыши моими легкими и дай взамен то тело, о котором прошу.

Перст Энлиля отчетливо дрогнул и повернулся в пространстве, словно стрелка компаса.

Я облизнул сухие губы. Окаменевший палец древнего Иного указывал вниз, во двор, где меня терпеливо поджидала погоня из «замка».

Да.

Ты не ошибся.

Поток Силы заструился сквозь мои пальцы, похожий на серебристые сверкающие нити в сером тумане.

На короткий миг я увидел себя со стороны: я полулежал на диване, сжав ладони; рядом, с интересом глядя на меня, сидела Нелли. Затем я почувствовал дуновение горячего ветра. Я никогда не бывал в пустыне, но почему-то сразу узнал ее: да, это вечная, тысячелетняя пустыня, здесь в тени пятьдесят градусов, а на солнце все семьдесят, как в печи. Здесь на раскаленных руинах древнего храма дремлют в песке пустынные гадюки с черными бусинками глаз, а если прислушаться – между стен еще звучит эхо слов мертвого языка, что когда-то решал судьбы этой части мира.

Потом наступила темнота.

* * *

Холодно. Так холодно.

Но сильнее холода – ненависть.

Я могу ждать вечно, пока ветер и солнце не разрушат эти огромные сияющие дома, выстроенные великанами.

Я привыкла к колючему холоду и липкой снежной каше под ногами, пусть они и мешают сосредоточиться на поиске.

Мне кажется – вот-вот я увижу его... найду наглого вора и вырву из плеч его руки, залью снег его кровью... но словно темное облако накрывает глаза на мгновение, и я снова жадно ищу, снова пытаюсь разглядеть его в гигантских каменных коробках, набитых людьми. Разглядеть и дать команду Малышу – взять, наказать, отобрать похищенное у Хозяина.

Ненависть сильнее холода!

Вчера он трусливо бежал от меня, но я не отставала, я видела далекий огонек впереди и кроваво-алый след плоти великого бога в Сумраке. Я почти догнала его... Он где-то здесь, он спрятался в одной из тысяч смрадных каменных нор, но я чувствую его запах, его страх, его отчаянную надежду. Ему не уйти отсюда никогда.

Хозяин будет гневаться, когда узнает, что я упустила его в «замке». Хозяин будет ласков со мной, когда узнает, как жестоко я отомстила.

Несмотря на лютый холод, при мысли о Хозяине внизу живота разлилось тепло, и я провела ладонью по своей щеке, вспоминая его прикосновения.

Уходи отсюда немедленно.

Эта мысль пришла ко мне неожиданно, оформленная и четкая. Она обещала освобождение от холода, отдых и покой.

Тебе нечего делать в этом городе. Здесь опасно. Домой.

Малыш что-то почувствовал. Он поднял свою большую и красивую, покрытую шишками голову и вопросительно посмотрел на меня.

Верно. Здесь плохо. Здесь холодно.

Я повернулась и сделала несколько шагов прочь по хрустящему сугробу.

Нет.

Я словно налетела на стену.

Я – Сати. Моя жизнь – охрана и защита имущества Хозяина. Ненависть, любовь, презрение, восхищение, месть, покорность, ожидание, превращение, покой.

Ноги сами понесли меня обратно.

Да уходи же, глупая девчонка. Забудь про Хозяина. Забудь про ненависть и месть.

В этот раз я даже не сдвинулась с места.

Нет.

Я – Сати. Моя жизнь – охрана и защита имущества Хозяина. Ненависть, любовь, презрение, восхищение, месть, покорность, ожидание, превращение, покой.

Малыш глухо зарычал, разворачивая упругое тело кольцами вокруг меня, будто танцующая кобра. Малыш чувствовал какую-то угрозу, мой защитник, мой хороший. Я не чувствую опасности. Я не понимаю, почему он беспокоен.

Бедная маленькая хорошенькая Сати. Кто превратил тебя в послушную куклу-убийцу? Как жестоко с тобой поступили, как подло заставили рисковать жизнью, мерзнуть в этой хламиде на двадцатиградусном морозе, ради чего? Где твоя мама, твой отец, твои братья, почему они не защитят тебя? Там, где они, сейчас тепло и радостно – только там. Надо найти их, да... надо вернуться...

Шквал жалости к себе накрыл меня. Я слепо побрела куда-то, ударилась щекой о ствол обледенелой березы, обняла его.

Нет, нет, нет.

Не помню я никакой мамы, никакого тепла. Ничего этого нет – и не было никогда. Я – Сати. Моя жизнь – охрана и защита... моя жизнь – холод, моя жизнь – ненависть! Я найду вора и свершу над ним месть.

Темные фигурки собрались у каждого подъезда, их много – десятки, они разбиваются на группы и бегом поднимаются по ступеням. Они тоже ищут вора. Пусть ищут. Когда найдут – мы с Малышом не останемся в стороне.

* * *

Я ничего не понимал. Судя по всему, мне легко удалось овладеть разумом Сати. Она даже собралась уходить.

Но вернулась обратно.

Ее сознание не могло закрыться, не могло противиться Персту Энлиля – пусть даже она сама была Стражем артефакта. Никто не устоял бы перед этой изощренной магией. На какое-то короткое время я в буквальном смысле стал этой черноглазой девчонкой, я чувствовал морозный воздух в ее легких, я слышал сбивчивый стук ее сердца... словно моя душа заняла ее место в худеньком теле.

Однако спустя несколько мгновений будто пришел противоположный приказ, и девчонка вернулась к своей цели: найти, отнять, убить, отомстить. Может быть, червь воздействует на нее? Нет уж. Червь – только бешеная, скрученная в угрожающий образ энергия, сумеречное оружие, приданное в помощь охотнице за воров. Энергия приходила откуда-то, питая тело чудовища, не давая замерзнуть Сати, энергия мощная и словно неисчерпаемая, и я завидовал своим преследователям: сам я сейчас тратил Силу очень экономно.

Что можно сделать? Сати – не человек, это понятно – она легко перемещается между сумеречным и физическим миром.

Иная? Пожалуй... но очень странная. Ее аура по-прежнему тусклая, красно-зеленая, размытая. Куцая какая-то аура, скажу я вам. Да кто же она такая?

Сати то появлялась в физическом мире, то проваливалась в Сумрак, находясь как бы сразу в двух мирах, контролируя и меня, и своего чудовищного спутника. Над ней висела легкая Сфера невнимания, скрывавшая ее от людей – но не от меня. Она хотела, чтобы я видел ее и знал: она пришла за мной.

Одна мысль в ее сознании – найти и отомстить. Хотя постоит... еще воспоминания о ласках хозяина. Допустим, Маклер превратил молоденькую девушку, неполноценную Иную, в свою рабыню, в биоробота, у которого только две функции. Основная: защищать артефакт, и в довесок – сексуально удовлетворять своего владельца.

Апелляция к детству, к теплу очага, к родителям не сработала. У нее нет таких воспоминаний. Значит, ее изъяли из семьи в грудном возрасте. Или... у нее никогда и не было семьи.

Я беззастенчиво рылся в памяти Сати, я словно погружался в мутный пруд, где плавали хаотично кусочки образов: ухмыляющийся Маклер, пыльный чердак в «замке», печальная прохлада Сумрака. Целые дни проводить на чердаке – это немыслимо!

Краем глаза (я смотрел глазами Сати) я видел, как Темные принялись обшаривать подъезд. Как бы ни было искусно укрыто жилище Книжника и Нелли, скоро его обнаружат. А я понятия не имел, что мне делать.

Маклер обращался с девочкой, как с вещью. Конечно, Темные способны на любую мерзость, но даже у рабыни может в ее рутине быть какое-то разнообразие. Она могла бы выходить на прогулку во двор, смотреть телевизор, а не сидеть все время под крышей, как спящая птица.

Только если... ей это не нужно. Если Сати и в самом деле в каком-то смысле вещь. Химера.

Подзабытое знание нашлось на дне памяти. Я где-то читал о химерах несколько лет назад, но тогда не придавал значения. Зря.

Нет особого интереса создавать искусственного человека – людей в избытке слоняется по улицам. Но вот искусственного, во всем послушного Иного-раба...

Накатил приступ тошноты.

Я никогда не смогу по-настоящему овладеть сознанием Сати. Это не разумное существо в полном смысле слова: у нее нет свободы, которую я мог бы отнять и

заменить своей волей. Есть только программа, и Сати будет возвращаться к ней опять и опять.

Проблема усложнялась. Занятый ее решением, я не видел и не слышал, как Нелли взяла мой мобильный телефон, набрала в истории звонков последний исходящий номер и коротко сказала что-то в трубку. Я не видел и не слышал, как она подбежала к входной двери, держа наготове маленький шестизарядный револьвер; как лязгнули язычки отпираемых замков – и в квартиру быстро вошла высокая темная фигура.

* * *

Холодно.

Холодно – и страшно.

Вдалеке со стоянки выкатилась длинная желтая машина с круглыми фарами, похожими на глаза хищной птицы. Остановилась у обочины дороги, и от остановки к ней поспешили люди в тяжелых зимних облачениях, с мохнатыми шапками на головах.

Я опустила глаза вниз и поняла: мои ноги медленно переступают по снегу. Несколько шагов – и я оказалась у самой дороги, укрытой тонким ледяным саваном.

Зачем я пришла сюда?

Малыш тревожно заскулил, выполз на дорожное полотно, перегородив его в Сумраке.

Но машины едут не через Сумрак.

Я не понимаю саму себя.

Все чувства погасли, осталась лишь липкая пелена страха перед глазами. Нужно было вернуться на детскую площадку, на мой сторожевой пост – но мною

овладело равнодушие ко всему.

Я – Сати. Моя жизнь – охрана и защита...

Конечно, Сати. Вору не уйти от тебя. А сейчас нужно, чтобы ты вышла на дорогу.

Повелевающий голос звучал в самой глубине души. Он был как шепот вечности; как лезвие ножа, неторопливо раздвигающее ребра.

Желтая машина – автобус, наполненный людьми, медленно тронулся с места. Заурчал мотор, и в морозном воздухе поплыли сизые облачка бензинового дыма.

Ноги вынесли меня на обледенелый асфальт.

И автобус уже катился вперед, быстро набирая скорость.

Нет, нет, нет. Мне не нужно туда, стоп.

Я сделала шаг назад.

Все правильно, Сати, все идет прекрасно. Хозяин хочет, чтобы ты встала у него на пути. Так нужно сделать – только так можно поймать вора. Теперь выходи из Сумрака!

В этой мысли не было логики – но ее нельзя было оспорить. Высоко подняв голову, я выскользнула из Сумрака и почти бегом вышла на проезжую часть. Где-то позади жалобно взревел Малыш, и тут же его хриплый голосок оборвался.

Здесь было холоднее, чем в Сумраке! Голые ступни мои чуть не прилипли к ледяной поверхности дороги. Ветер подхватил невесомый подол хитона, рванул его – будто хотел столкнуть меня обратно в снег.

Теперь водитель автобуса заметил меня. Наверное, для него это выглядело так, словно я просто появилась из ниоткуда посреди дороги. Рот его широко раскрылся, глаза стали круглыми, как обкатанные морем камешки.

На остановке пронзительно заголосила женщина.

Мне снова стало страшно. Что я делаю здесь? Что за глупые мысли привели меня сюда – успела подумать я, глядя, как в оглушительном визге тормозов автобус заваливается набок, как он обрушивается на меня, закрывая солнце, словно огромное убитое животное. Мелькнули перекошенные лица пассажиров за стеклом – уже близко-близко, кто-то из них прикрыл руками голову, готовясь к удару, кто-то судорожно ухватился за поручень.

В последнюю долю секунды перед ударом мир исчез.

Я без сил, задыхаясь, упала в привычную серую круговорот – к взволнованно скулящему Малышу.

Я возвратилась в Сумрак.

* * *

Не смог я ее убить. Нет, я понимал: или она меня, или я ее, но... не смог. Сам удивляясь проснувшемуся умению хладнокровно лгать, я привел Сати на край гибели. И здесь пожалел. Возможно, потому, что в каком-то смысле я сам был ею.

Я не сомневался – как только автобус размажет тело Сати по асфальту, оборвется поток Силы, питающей червя, а я вернусь в свое тело. Цель была очень близка... но я сам же отбросил себя от нее. В Сумраке автобус не причинил девчонке никакого вреда.

Словно издалека долетели до моего сознания глухие звуки многих голосов. Кажется, кто-то колотил в дверь квартиры Нелли, и не только руками. «Дневной Дозор, немедленно откройте!» Я поборол жгучее желание бросить Перст Энлиля и готовиться к драке. Нет. Думай, что можно сделать. Второго шанса воспользоваться артефактом у тебя не будет.

Я мысленно отхлестал себя по щекам.

Жди теперь следующего автобуса! Или машину!

Как назло, улица была в этот холодный выходной день пуста. Не удивлюсь, если ее уже перекрыли. Да и удастся ли второй раз внушить то же самое Сати? И я сам не чувствовал в себе сил снова подтолкнуть девчонку к суициду.

Я поднял худенькие, посиневшие от холода руки девочки и посмотрел на них ее же глазами. Что, что я могу еще предпринять? Она слушается, хоть и неохотно – лишь отказывается сделать самое главное, самое нужное – уйти. Что может убедить ее?

Наверху полыхнуло, вспухла черная клякса тьмы. Дневной Дозор пошел на штурм, грубой силой взламывая магическую защиту Книжника. Люди на улице один за другим опускались на снег, засыпали, подкладывали под головы варежки и сумки. Сработанный кем-то из Темных «морфей» погружал в сон жителей всего микрорайона – не действовал лишь на Иных из Дозоров и на Сати.

Сколько у меня еще времени?

Хуже всего было то, что Силы у меня почти не оставалось. Я провел в Сумраке уже много времени – едва ли не больше, чем когда-либо в своей жизни, и Перст Энлиля отбирал немало энергии.

Реальность становилась зыбкой. Мой изможденный рассудок уже не всегда мог с уверенностью определить, кто я – Иной Матвей Гордеев или девушка-химера. Эта шизофреническая раздвоенность усугублялась взаимным желанием друг друга уничтожить.

Я заставил Сати встать на ноги и пройти несколько шагов. Зачерпнул ладонями снега, бросил в лицо. Устало посмотрел на засыпающих вокруг перевернутого автобуса людей.

Сати, уходи отсюда. Уходи, пожалуйста, и забудь дорогу к этому дому.

Нет. Я умру, но не предам Хозяина.

Неужели нет ничего в твоей жизни важнее блага Хозяина? Ничего не радует тебя – ничего, что ты взяла бы взамен возможности отомстить?

Нет. Хозяин создал меня. Я навеки его вещь.

Проклятье. Проклятье!

К подъезду осторожной походкой приблизились двое Светлых дозорных. У одного из них мерцали на правой руке несколько подвешенных боевых заклятий. Второй негромко говорил что-то в трубку мобильного телефона.

Боевые маги. Подойти к ним? Объяснить все и попросить убить меня (Сати)?

Не станут они этого делать. Их прислали наблюдать и не вмешиваться.

Приступ тошноты вновь скрутил меня – но я не мог даже вывернуть наизнанку свой желудок, я был в чужом теле! Новая страшная идея пришла мне на ум: я мог остаться в теле Сати навсегда, вытеснив ее личность, бросив свое прежнее тело умирать в квартире Нелли. Нет, пожалуйста, нет...

Сати, уходи. Уходи. Уходи.

Да, я – Сати. Моя жизнь – охрана и защита имущества Хозяина. Ненависть, любовь, презрение, восхищение, месть, покорность, ожидание, превращение, покой.

На крыше дома, на фоне апельсиновых облаков, появились маленькие темные силуэты. Они проворно опустились на тросах, повисли напротив окон квартиры Нелли. Сразу же что-то замерцало, посыпалось искрами, земля под ногами ощутимо дрогнула. Штурмующие все меньше стеснялись в средствах.

Силы покидали меня. Солнечный свет в глазах померк на мгновение, затем словно нехотя появился вновь.

Я почти отключился, но почувствовал слабенький теплый ток энергии, наполняющей меня. Спасибо, Нелли.

Сати, а не пошла бы ты к черту.

Я – Сати. Моя жизнь – охрана и защита имущества Хозяина. Ненависть, любовь, презрение, восхищение, месть, покорность...

Ты – не Сати.

Обессиленный, уже почти потерявший связь с девчонкой, я успел сказать:

Твое имя... Кристина. Ты родилась и выросла в городе Костроме. Отпусти Малыша навсегда и уезжай туда первым же поездом. У тебя нет никакого Хозяина и никогда не было. Нет Сумрака и колдовства. Нет Иных и рабства перед ними. Ты свободный человек. Человек! Сейчас ты забудешь все, что с тобой было до этого момента, – и будешь помнить только мои слова. А теперь, Кристина, проснись и уезжай из города навсегда.

Мгновение головокружения: я видел комнату Нелли и себя в ней – я лежал на диване, весь мокрый от напряжения; девушка положила мою голову себе на колени.

В следующий миг я упал на пол, тяжело дыша, борясь с тошнотой. По комнате полз едкий дым, где-то рядом ритмично стучал в стену тяжелый молот.

– Ты молодец, Кот, – произнес надо мной низкий мужской голос.

С усилием я поднял голову и увидел грубоватое красное лицо. Левый глаз незнакомца был прикрыт черной повязкой. Рефлекторно я прижал к груди Перст Энлиля.

– Ты справился, – сказал он, – Сати уходит. Хотя идея с автобусом была более надежной. Я наблюдал за тобой все это время. Ты держался неплохо.

– Скиф? – выкашлял я.

– Рад познакомиться лично. Однако нам пора уносить ноги. Через минуту здесь будет Дневной Дозор.

Он сделал пасс ладонью – и в воздухе посреди комнаты ярко вспыхнула белая рамка портала.

Глава 6

Мы оказались на широком заснеженном поле. Где-то в километре от нас раскинули покрытые инеем крылья старинные самолеты времен двух последних мировых войн. Еще дальше темнела горная гряда спальных кварталов, мерцали редкие огни автомобилей на шоссе.

Ходынское поле. Музей авиации под открытым небом. По прямой сюда от нашего Нагатинского затона километров пятнадцать.

Налетел порыв ледяного ветра со снежной крупой – но холода я не ощутил. На мне был теплый новенький пуховик с капюшоном. Я посмотрел на Нелли – она была одета в свою куртку с меховым воротником и варежки.

– Но как, – начал я – и захлопнул рот.

Прямоком ко мне направлялся невысокий старичок в широком и цветастом, обшитом шкурами халате и круглой меховой шапке. Сквозь редкие усы и бородку проглядывала приветливая улыбка. Старик вел в поводу низкорослую гнедую лошадку, украшенную ленточками и нежно звенящими колокольчиками. Настоящий сибирский шаман посреди Москвы!

– Принес, Кот? – спросил Омогой, поглаживая бородашку.

Я мог бы многое сказать ему в глаза. Но я так устал, что просто протянул руку и отдал ему Перст. Нелли подала расписную папирусную коробку.

Омогой поцокал языком и бросил заказ в карман халата.

– Долго, очень долго пришлось тебя ждать.

И он, кряхтя, взобрался на спину коняшки, в расшитое узорами седло.

– Скиф, рассчитайся с мальчиком. Прощай, Кот. Не поминай лихом.

У меня не осталось сил удивляться. Омогой легко ударил лошадь обутыми в унты ногами, и та поплелась прочь сквозь метель, к затянутому багровыми облаками горизонту. Тихо звенели в мерзлом воздухе колокольчики. Копыта животного не касались снега – больше того, Омогой поднимался все выше и выше, словно по невидимому холму. Вот мгновенно, почти незаметно для глаз, возникло и исчезло яркое пятно портала – и старый маг будто растворился в эфире.

Я повернулся к Скифу:

– Что будет с Сати... то есть – с Кристиной?

– С ней все хорошо. – Скиф наклонил голову, как будто прислушался к чему-то сквозь вой ветра. – Ее уже задержала милиция. Она рассказала им, что приехала из Костромы и потерялась. Девушка с амнезией. Ей помогут.

Лицо Скифа было когда-то красивым, но судьба постаралась испортить его. Как я уже сказал – левый глаз отсутствовал, его прикрывала аккуратная повязка. Кожа с этой стороны лица была однажды сорвана и как будто изжевана – искусный целитель долго трудился над ее восстановлением, но сеть тонких шрамов осталась. Выцветшие зачесанные назад волосы трепал ветер, на щеках золотилась трехдневная щетина. А на груди под мешковатой тканью свитера я почувствовал такой же янтарный амулет, как у Нелли.

– Я в самом деле стер ей память?

– Нет. Этого нельзя сделать с помощью такого инструмента, как Перст Энлиля. Но воспоминания заперты глубоко в подсознании. Ты стер программу Маклера и дал ей новую личность. Ментально Сати действительно стала человеком.

– Как там дядя? – спросила девушка.

– Не волнуйся, Герда. Ночной Дозор уже охраняет его.

Значит, Герда? Все интереснее и интереснее.

Вдалеке – там, где стояли рядами самолеты, – ярко полыхнуло. Из портала вышли несколько фигур, огляделись и торопливо направились к нам через

снежное поле. Последним шел Сет, за ним сквозь поземку волочилось грузное, украшенное шишками тело червя. После ухода Сати чудовище зримо уменьшилось в размерах и двигалось вяло, рывками.

Быстро отследили. Я мысленно поставил плюс Омогою за краткость общения.

– Держи! – сказал Скиф, перекрикивая ветер, и протянул мне белый конверт. Одновременно он легким жестом поднял над головой «радужную сферу» – чтобы Темные не слышали нас. – Здесь банковская карта на твое имя и пин-код. Там всё – и немного сверху.

– А мой отец?

– Я пришлю к тебе сегодня целителя. У него есть право на вмешательство в судьбу до второго уровня включительно, честно полученное в сделке с Дневным Дозором месяц назад. Твой отец проживет еще много лет.

– Спасибо, – сдержанно сказал я.

Наши преследователи приближались. Впереди шел коренастый мужчина лет пятидесяти на вид, явно главный в этой компании – в старомодном сером пальто и широкополой шляпе, с кожаной папкой под мышкой. За ним осторожно шагала через сугробы ведьма в лисьей шубке (я узнал ее сразу – она была среди тех троих, кого я подловил на «фриз» в туннеле у станции «Киевская»), чуть позади нее шла парочка боевых магов с заряженными жезлами. Сет с червем подотстали.

Рука об руку с обладателем серого пальто проворно переставлял ноги сухонький пожилой мужчина в теплом комбинезоне, ушанке и резиновых ботах. На лице его было написано неподдельное раздражение, почти ярость. Он издали помахал кулаком и крикнул что-то.

– Кто спрашивал об Инквизиторах? – с улыбкой сказала Нелли.

– А, это Натан Кролевский. Похоже, вырвали его прямо с рыбалки, изверги. Ну что, Кот, – обернулся Скиф ко мне, – у нас есть еще минута-другая, пока они дошлепают сюда по сугробам. Какие есть мысли, воришка?

– Ты и Омогой – вы использовали меня, – сказал я, с вызовом глядя на него, – использовали, не предупредив о степени опасности.

– Я спрашивал не об этом, – спокойно ответил Скиф.

Ледяной ветер взвыл, забрасывая нас снегом.

– Вы использовали меня, – перекрикивая ветер, повторил я, – потому что не решились украсть артефакт сами. Маклер умыкнул его где-то на Ближнем Востоке и тайно переправил сюда. Перст Энлиля для чего-то очень нужен Темным. Вы решили помешать им, но так, чтоб не нарушать ваш Великий Договор, – и подключили наемника со стороны. Пока наемник несет весь риск – Гесер остается невинным, как ягненок, при любом исходе. Нелли и ее старик действовали по вашей указке. Да, они не числятся в Дозоре, но работают на вас. Еще за несколько месяцев до вашей операции они поселились рядом со мной и укрепили квартиру как убежище, где будет временно храниться артефакт. Ваша юная гитаристка «случайно» познакомилась со мной в магазине, «случайно» заметила вчера слежку у моего дома и потом дожидалась на остановке, зная, что Омогой велит мне ехать домой. Один раз сегодня ты прокололся, Скиф: когда я потребовал защитить девушку и старика, ты не спросил, о ком речь.

Я обернулся. Темным и Инквизитору осталось пройти едва ли сотню шагов. Сердце мое билось у самого горла.

– Уверен, у тебя был запасной план, если бы я не поехал домой.

– Конечно, – кивнул Скиф, закуривая на ветру, – есть убежище за городом.

– А был ли запасной план на случай, если меня сразу убьют, – зло спросил я, – там, в «замке»? Или те милые байкеры на Рублевке?

Скиф снова остался невозмутим:

– Тебя прикрывали. И в «замке», и на Рублевке, и в метро. Только один раз ненадолго потеряли из виду, когда ты рванул в туннель, – но ты и сам в том случае прекрасно справился. Повторю: ты молодец, Кот. Ты все правильно понял, но это только половина правды. Вторую половину обсудим позже. Сейчас, – он

сжал мое плечо, – молчи и слушай. Отвечай только по моему разрешению. И ничему не удивляйся.

Он снял «радужную сферу».

– Натан Иванович, – учтиво поклонился он Инквизитору, – Гантрам, – кивнул обладателю дорогого пальто, – Алиса, – легкий поклон девушке.

– В этот раз вы перешли все границы, – обошелся без предисловий Гантрам, – я буду требовать персонального наказания и для тебя, Скиф, и для всей твоей шайки. А судьбу вора будет решать Дневной Дозор.

– И как прикажете с вами поступить? – Инквизитор почти кричал сквозь вой ветра. – Знаете, впервые в жизни я полностью согласен с Дневным Дозором! Неслыханная наглость! Просто неслыханная!

– Ужасная наглость, – согласился Скиф, – наглость – со стороны господина Гантрама. Мне грустно оттого, что Темные коллеги перешли на такие подлые методы. В иные времена в нашей борьбе было больше рыцарского.

– Я своими глазами видел все! – воскликнул Инквизитор. – И ваше сопротивление Дневному Дозору, и то, как вы обошлись со Стражем, и бегство через портал.

– Так нас обвиняют в бегстве от вашего Дозора? И все?

– Прошу вас, Гантрам, – взял себя в руки Кролевский.

– Подождите секунду. – Скиф быстро очертил вокруг нашей компании «круг тишины». В его пределах ветер стих, словно мы оказались под колпаком из стекла. – Валяйте, коллега.

Темный раскрыл свою папку и сухим скрипучим голосом отчеканил:

– Настоящим предъявляем обвинение Ночному Дозору города Москвы в лице Ярового Андрея Сергеевича, кодовое имя Скиф, в организации похищения у нашего Темного коллеги Маклера артефакта, известного как Перст Энлиля, и вовлечении в преступный заговор Гордеева Матвея Ярославовича, Светлого

Иного четвертого уровня Силы, он же – вор-рецидивист по кличке Кот, а также сопротивлении работе Дневного Дозора в поимке преступника. Мы предъявляем обвинения Гордееву Матвею Ярославовичу – в неподчинении и агрессивным действиям по отношению к сотрудникам Дневного Дозора при исполнении, а также законопослушным Темным Иным, пришедшим дозорным на помощь. Мы требуем незамедлительно вернуть ценный артефакт законному владельцу и выдать подозреваемых для совместного суда Дневного Дозора и Инквизиции!

– То есть доказательств у вас нет? – усмехнулся Скиф. – Одни претензии?

– Отвечайте по существу. – Натан Иванович вскинул голову. – И если я решу, что требования Дневного Дозора законны, – вы все трое будете сей же час задержаны.

– Отвечаю: сегодня ранним утром со мной связалась моя ученица Нелли Кравцова и сообщила, что ее дом окружен Темными. Она попросила помощи, и я незамедлительно прибыл на место. Нелли находилась в квартире в компании прикованного к постели дяди и своего молодого человека, упомянутого Матвея Гордеева, с коим они проживают в соседних домах.

Я почувствовал, как щеки мои заметает краской. Нелли шагнула ко мне и взяла за руку.

– Ночному Дозору было известно, – продолжал Скиф, – что Темные ведут охоту за неким вором, похитившим ценный артефакт, и подчеркну: Гесер еще вчера придал Дневному Дозору помощь в усилении патрулей.

– Это правда? – спросил Инквизитор Гантрама.

– Тактическая уловка, – сплюнул тот.

– Кроме того, у дома обнаружилась девочка-гомункул с послушным ей магическим существом большой силы. Девочка попыталась напасть на Матвея.

– Все верно, – раздраженно сказал Натан Иванович, – мы прекрасно знаем, что артефакты нужно защищать от воров. То, что химера пришла по следу Гордеева, полностью доказывает его вину.

– Я официально заявляю, – повысил голос Скиф, – что история с химерой – инсценировка от первого до последнего эпизода. Темные выкрали Перст Энлиля из хранилища в Иерусалиме и скрытно доставили в Подмоскowie. Чтобы легализовать артефакт в Москве, разыграли комедию с нападением и кражей, а затем якобы пустили по следу погоню – в ходе которой пытались убить Гордеева, дабы он не мог доказать свою невиновность. Парню просто повезло, что он дружит с Нелли, дядя которой годами живет в страхе нападения Темных и потому превратил свой дом в крепость. А химера создана Дневным Дозором несколько месяцев или даже недель назад, это легко проверить.

В отдалении Сет играл в Сумраке с чудовищем, словно с собакой. Он дразнил его длинной палкой, и издыхающий червь делал вялые попытки ухватить ее зубами. Монстр еще уменьшился в размерах, от тела его словно поднимался белесый парок.

– Как тебе удалось разобраться с химерой? – В глазах Кролевского мелькнул профессиональный интерес.

Я молча посмотрел на Скифа.

– Это было непросто, но Матвей справился. С моей помощью парень установил с ней ментальный контакт. Сначала он хотел убить ее, но пожалел и внушил химере, что она человек и ее создатель больше не властен над ней. Его можно понять – бедная девочка жила в доме Маклера на положении сексуальной рабыни.

– Протестую, – проскрипел Гантрам, – это личное дело Маклера.

– Принимается, – кивнул Инквизитор.

– Черт возьми, мне даже нравится смотреть, как ты изворачиваешься, – Гантрам сунул папку под мышку и уставился в упор на Скифа, – но советую не тратить время Инквизиции на эти байки. У нас есть слепок ауры вашего вора.

– Мало ли какие слепки у кого имеются. У меня, к примеру, есть прекрасный отпечаток твоей ауры.

– Не мели ерунды! – начал закипать Гантрам. – Мы взяли его слепок на Рублевке, когда мальчишка удирал от нас на мотоцикле!

– Но не в доме Маклера! Он был у метро «Крылатское» по своим делам и приехал туда прямо от Нелли. Это почти алиби, если хотите.

– Силы первозданные! – Темный подпрыгнул на месте. – Видели ли вы когда-нибудь еще такого бессовестного лжеца! Зачем же Гордеев убегал от Дозора, почему оказал сопротивление? Ну?

Скиф достал новую сигарету, чиркнул зажигалкой:

– Ваше требование остановиться и сдаться было незаконным и неспровоцированным. Парень был абсолютно прав, как показало время.

– Да будьте вы все прок... – взревел Гантрам.

– Стоп! – вскинул руку Инквизитор. – Поведение стороны обвинения становится контрпродуктивным. Должен признать, что объективных доказательств пока не представлено. Самого артефакта у вас, конечно же, нет?

– Можете обыскать, – поднял руки Скиф.

– Не нужно никого обыскивать, – промурлыкала молчавшая до этой поры ведьма. Она с улыбкой подошла ко мне. Глаза ее были большими и черными, словно два колодца. – Если воришка ни в чем не виновен и его просто подставили – то ему и скрывать нечего. Пусть раскроет свою память – всего за один последний день. И если мы были не правы – извинимся. Даже готовы на компенсацию. Что скажешь, Светлый? – повернулась она к Скифу.

– Разумное предложение, – кивнул тот.

Я похолодел.

– Однако сканирование памяти – серьезное вмешательство в судьбу Иного. Матвей не осужденный, а только обвиняемый. Ночной Дозор не будет возражать против исследования его памяти... но мы имеем право на симметричное

требование. Пусть Маклер предстанет перед нами и предъявит свою память. После этого мы откроемся вам.

– Ты торгуешься, – усмехнулась Алиса, – значит, я попала в точку.

– Ты столь же умна, сколь красива, Темная. Но на сей раз попала не туда, куда целилась.

– Как же, как же... кому, как не тебе, Светлый маг, разбираться в красоте Темных женщин. – Алиса рассмеялась, а по лицу Скифа пробежало едва заметное облачко. Чем-то она достала его, и глубоко.

– Юридически Скиф прав, – прокомментировал Натан Иванович, с интересом следивший за их перепалкой, – требование открыть память нарушает тайну личности Иного и, значит, косвенно влияет на баланс Сил. А если мальчик и в самом деле невиновен?

– Мы все компенсируем, она же сказала, – испепеляя меня взглядом, пробухтел Гантрам.

– Такие вещи не оценить на бегу, – не согласился Скиф, – да и парень не состоит в Дозорах, чтобы его личность и судьба становились предметом торга. Так что нас это не устроит.

– Что ж, ситуация зашла в тупик, – констатировал Инквизитор, – значит, я принимаю решение. – Он посмотрел на меня и поднял руку.

– Постойте, – остановила его Нелли. – Я открою свою память. Добровольно. Без всяких компенсаций.

На мгновение все присутствующие, казалось, потеряли дар речи.

– Протестую, – сказал Скиф.

– Отклоняется, – быстро ответил Кролевский.

– Тогда условие. Смотрим только те воспоминания, что касаются Матвея.

– Да будет так, – подумав, сказал Инквизитор.

Алиса и Гантрам переглянулись. Они явно не ожидали такого поворота событий.

– Скиф, пожалуйста...

Девушка отпустила мою руку и подошла к своему учителю. Тот тяжело вздохнул и коротко щелкнул пальцами. В воздухе перед замершей Нелли заблестела небольшая «хрустальная сфера».

Инквизитор сделал шаг вперед, пристально всматриваясь в нее. Там, словно на крошечном экране, проносились события моей жизни, связанные с Нелли. Вот мы впервые встретились и познакомились в универсаме. Вот что-то обсуждаем, сидя вместе на заднем сиденье автобуса. Вот вчерашним вечером вместе идем под звездным небом к ее подъезду (под курткой у меня украденный артефакт – но этого, естественно, не видно).

«Хрустальная сфера» показывает не все, понял я, холодея. Это только обрывки, участки памяти, которые Ночной Дозор считает нужным продемонстрировать, чтобы убедить Темных в правдивости слов Скифа. И экспромт Нелли...

...я открою свою память добровольно...

...спланирован заранее. Мы с ней обсуждали артефакт, вместе читали книгу преданий. Скиф знает, что можно показывать, а что нет, – значит он успел пролистать ее память, пока я лежал в отключке, пытаюсь управиться с Сати.

То, что он сейчас делает, – хождение по лезвию. Одна ошибка, одно сомнительное воспоминание – и Инквизитор вцепится в нас мертвой хваткой.

Вот я стою у окна и оцепенело смотрю вниз, во двор дома Нелли. Девушка подходит ко мне и порывисто обнимает:

– Бедный, бедный мой, ты же ни в чем не виноват.

Я рефлекторно обнимаю ее в ответ... Наши губы сливаются в поцелуе.

– Хватит, – остановил я, – это уже слишком личное. Какие еще доказательства вам нужны?

Целующиеся фигурки в «хрустальной сфере» замерли.

– Застеснялся? – промурлыкала Алиса. – Продолжайте, продолжайте! Только началось самое интересное.

– Интимных сцен не смотрим, – отрезал Скиф.

– Ну, по-моему, главное мы услышали, – крикнул сильно смущенный Натан Иванович, – девочка наедине с Матвеем говорит, что он не виноват. Не могла же она в самом деле знать, что ее будут ментоскопировать...

– О, вы недооцениваете этих интриганов, – закатил к небу глаза Гантрам.

– А ты что молчишь? – набросился на меня Инквизитор. – Отвечай как на духу: вы со Скифом все это спланировали или нет?

– Клянусь вам, я сегодня впервые в жизни увидел этого Иного, – твердо сказал я, глядя Кролевскому в глаза.

Это было правдой – и Инквизитор опустил голову, принимая ее.

И вот теперь я понял – мы победили. Темные подключили Инквизицию только сегодня утром, когда поняли, что ее вмешательство неизбежно. Наверное, в тот момент, когда я воспользовался магической игрушкой. Призови они судью раньше – у того могло быть гораздо больше вопросов ко мне. А сейчас обе стороны наперебой обманывали старика. Мне даже стало немного жаль его.

Гантрам закричал что-то под нос, бочком пошел в сторону, затем принялся яростно рыться в своей папке с бумагами. Алиса закурила длинную сигаретку, с деланным равнодушием глядя на Сета. Тот все еще прохаживался перед червем, помахивая палкой, но монстр растянулся на земле и не подавал признаков жизни.

Я взглянул на Скифа – он оставался непроницаем и холоден, как морской змей Куш-рам-гудур.

– Претензия Дневного Дозора отклоняется... ввиду недостаточности доказательств, – резюмировал Кролевский и вздохнул. – Как же вы, черти неугомонные, можете душу вымотать. Только я лунки провертел, только мормышку достал, эх...

– Не пойман – не вор? Да, мой сладкий? – сказала мне Алиса. – И думаешь, все на этом кончилось?

Я открыл было рот, но Скиф опередил меня:

– Я официально предъявляю обвинение Дневному Дозору в серии провокаций, направленных на нарушение баланса Сил в Москве. Я заявляю, что готовящееся шоу «Вальпургиева ночь» – не что иное, как тайная операция Завулونا, во время которой планируется какая-то неслыханная пакость. И все происходящее в последние дни связано с этим. Прошу Инквизицию взять на контроль этот гнусный шабаш Темных и оградить ни в чем не повинных Иных от их посягательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Егор Летов, «Гражданская оборона» – «Мы уйдем из зоопарка».

2

Егор Летов, «Гражданская оборона» – «Пуля виноватого найдет».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolay-zhelunov/taynyy-dozor>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)